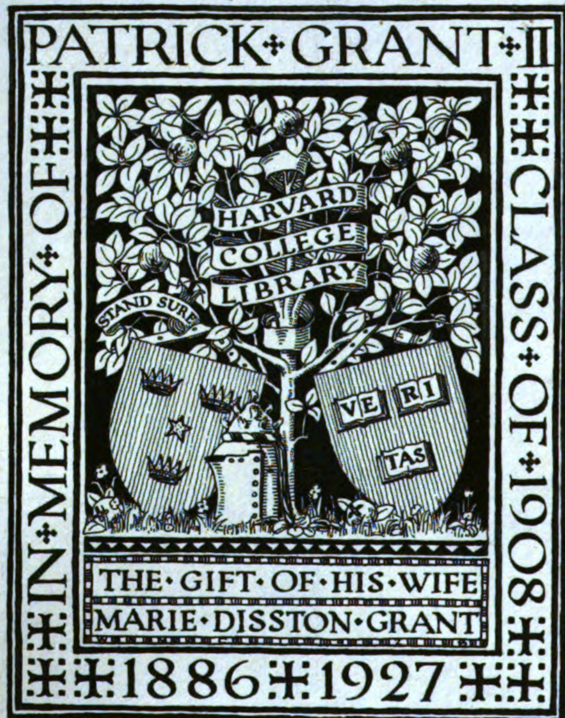

Gunnlaugs Saga Ormstungu - 1905

PATRICK GRANT II
CLASS OF 1908
IN MEMORY OF
HARVARD COLLEGE LIBRARY
STAND SURE
VE RI TAS
THE GIFT OF HIS WIFE
MARIE DISSTON GRANT
1886 1927

Е. Н. Щепкинъ.

Gunnlaugs saga Ormstungu.

ДРЕВНЕ-ИСЛАНДСКАЯ САГА

„Гюнлёйгъ Зміиный Языкъ“.

ПЕРЕВОДЪ, ПРЕДИСЛОВІЕ, ПРИМѢЧАНІЯ.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, ул. Жуковскаго, № 43.
1905.

Е. Н. Щепкинъ.

Gunnlaugs saga Ormstungu.

ДРЕВНЕ-ИСЛАНДСКАЯ САГА

„Гюнлёйгъ Змiиный Языкъ".

ПЕРЕВОДЪ, ПРЕДИСЛОВІЕ, ПРИМѢЧАНІЯ.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, ул. Жуковскаго, № 43.
1905.

Печатано по распоряженію Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ на основаніи § 20 устава Общества.

Предсѣдатель Общества Проф. *В. М. Истринъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Gunnlaugs saga Ormstungu.

ДРЕВНЕ-ИСЛАНДСКАЯ САГА

„Гюнлёйгъ Змѣиный Языкъ“.

ПЕРЕВОДЪ, ПРЕДИСЛОВІЕ, ПРИМѢЧАНІЯ.

Е. Н. Щепкинъ.

Gunnlaugs saga Ormstungu.

Гюнлёйгъ Ормстюнга (Зміиный Языкъ)—лицо историческое: это исландскій поэтъ (скальдъ) начала XI-го в. Сага о трагической судьбѣ Гюнлёйга [1]) приписывается преданіемъ первому историку Исландіи—Ари Мудрому (около 1120 г.). Какъ бы тамъ ни было, а тѣ стихи Гюнлёйга и Шрапна, его противника, которые приводятся авторомъ саги, почти всѣ безъ исключенія не возбуждаютъ у исландскихъ изслѣдователей сомнѣній относительно ихъ подлинности и, какъ по общему складу, такъ и по выговору созвучій, сознательно относятся ими ко времени этихъ скальдовъ. Хронологія саги согласно преданію такова: Въ 1000-мъ году введено христіанство на Исландіи и, безъ сомнѣнія, уже въ слѣдующемъ году Гюнлёйгъ плыветъ въ Норвегію съ Эйдюномъ Цѣпной Собакой. Ему было тогда 18-ть лѣтъ. Значитъ онъ родился около 983 года и палъ, 25-ти лѣтъ отъ роду, въ 1008 году.

Чтобы не отступать далеко отъ подлинника, стихи саги удобнѣе было перевести на русскій языкъ прозой. Но ради общаго представленія объ оригиналѣ надо знать особенности языка и стихосложенія скальдовъ. Главное отличіе языка скальдовъ отъ прозы—это «обозначенія» (kenningar), т. е. описательныя выраженія. Эти описанія тѣмъ труднѣе для пониманія, что они

[1]) *Источники*: Исландскій текстъ Саги по хрестоматіи проф. Виммера. (Oldnordisk Laesebog af. *L. Wimmer*: Gunnlaugs saga Ormstungu). *Finnur Jónsson*, Den Oldnorske og Oldislandske litteraturs Historie. B. I.

очень тѣсно связаны съ своеобразными условіями жизни древнихъ Скандинавовъ и ихъ миѳологіей. Вотъ, напримѣръ, наиболѣе употребительныя обозначенія: Вмѣсто «мужъ, воинъ» скальдъ говоритъ «древо битвы», подчеркивая силу, стройность, воинственность, или «расточитель богатства», «раздаятель ожерелій», выдвигая щедрость викинга, легко раздающаго добычу. Женщина описывалась выраженіемъ «богиня золотыхъ колецъ», «богиня шитья» или (какъ хозяйка дома)—«богиня луковой похлёбки» или «луковая липа» (если скальдъ сразу хотѣлъ напомнить о ея стройности и ея домовитости). Битву скальдъ описывалъ, какъ бурю Одина, Валькирій, мечей. Корабль рисовался скальду конемъ волнъ; рука женщины—мысомъ, выступающимъ отъ земли, украшенной золотомъ; воронъ на полѣ битвы могъ быть обозначенъ любой окровавленной птицей—орломъ, гусемъ крови и т. п. Въ основаніи этихъ обозначеній лежитъ сравненіе, это почти загадки. Но надо помнить, что на древнихъ Исландцевъ и Норвежцевъ эти привычныя для нихъ съ дѣтства сравненія не должны были производить такого причудливаго впечатлѣнія, какъ въ переводѣ на теперешніе европейскіе языки. Кто самъ по нѣскольку сутокъ проводилъ на морѣ, можетъ быть въ бурю и дождь, и по долгу не видалъ ни огня, ни горячей пищи, тому могъ казаться поэтичнымъ и запахъ луковой похлёбки у домашняго очага. За этими простыми сравненіями, выхваченными изъ будничной жизни, идутъ обозначенія (кеннингаръ) втораго порядка, основанныя на миѳахъ или на самыхъ древнихъ сагахъ и стихахъ. Напр. золото чаще всего обозначается выраженіями: «пламень рѣкъ, морской пучины» или «ложе змѣя». Эти описанія находятъ себѣ объясненіе въ скандинавской миѳологіи. Айгиръ, богъ моря, созываетъ къ себѣ боговъ на пиръ, и вмѣсто огней у него горитъ и свѣтится въ залѣ золото. Описанія золота стоятъ въ особенно тѣсной связи съ преданьемъ о золотѣ Нифлунговъ (Нибелунговъ). Боги убили Отра, сына Рейдмара, и должны заплатить ему выкупъ. Злой Локки добываетъ для этого золото отъ карлика, жившаго въ водопадѣ. Боги выплачиваютъ золото это отцу убитаго, но затѣмъ другой сынъ Рейдмара—Фауѳниръ убиваетъ отца, овла-

дѣваетъ золотомъ и, превратившись въ змія, лежитъ на немъ: отсюда золото—ложе змѣя.

Хотя въ поэзіи скальдовъ встрѣчаются и риѳмы, но главное украшеніе ея всетаки—созвучіе начальныхъ буквъ двухъ или трехъ словъ (аллитерація) въ двухъ различныхъ строчкахъ, которыя какъ-бы связываются этимъ. Слова эти должны были начинаться той же согласной или (безразлично какими) гласными. Забота о такихъ созвучіяхъ заставляла скальдовъ разставлять слова въ строфѣ иногда въ самомъ неестественномъ порядкѣ. Такъ какъ древне-норвежскій языкъ мы лично впервые изучали изъ устъ Исландцевъ, среди которыхъ держится живая традиція пониманія сагъ, то при передачѣ собственныхъ именъ мы слѣдуемъ приблизительно новоисландскому произношенію и вмѣсто Гуннлаугъ, Храфнъ, и т. д. пишемъ Гюнлёйгъ, Шрапнъ и т. п.

Гюнлёйгъ Змѣиный Языкъ.

1. Жилъ мужъ по имени Торстейнъ; онъ былъ сыномъ Эгиля, внукомъ Скаллагрима, правнукомъ Квельдульфа, герси[1]) изъ Норвегіи, а мать Торстейна звалась Аусгердой и была дочерью Бьёрна[2]). Торстейнъ жилъ въ Боргѣ на Боргскомъ фіордѣ[3]); онъ былъ богатъ имуществомъ, вліятельный вождь, мужъ мудрый, кроткій и во всемъ умѣренный. Онъ не выдавался ни ростомъ, ни силой, какъ бывало его отецъ Эгиль, а всетаки былъ онъ наиболѣе видный человѣкъ и любимъ всѣмъ народомъ. Торстейнъ былъ мужъ богато одаренный, съ бѣлокурыми волосами и глазами, лучше чѣмъ у кого либо изъ мужей. Онъ взялъ въ жены Іоуфриду, дочь Гюннара, сына Хливы. Іоуфридѣ было 18 зимъ, когда Торстейнъ женился на ней; она была

---

[1]) Герси (hersir)—вождь, стоявшій во главѣ Норвежской волости (heradh).

[2]) Древнеисландскія собственныя имена переданы здѣсь по русски преимущественно сообразно съ ново-исландскимъ выговоромъ, гдѣ онъ только не противорѣчитъ рѣзко укоренившейся уже у насъ традиціи. Впрочемъ окончаніе именительнаго падежа обыкновенно опускается, равно какъ и звучное придыханіе h, а длительныя зубныя (dh и th), соотвѣтствующія англійскому мягкому и твердому th (зе и сэ), замѣняются мгновенными зубными д и т.

[3]) Боргаръ-фіордъ—болѣе сѣверный изъ двухъ фіордовъ (морскихъ заливовъ), которые образуетъ на западномъ берегу Исландіи обширный морской заливъ – Факса-фіордъ. Боргскимъ фіордомъ называлась и вся окрестность фіорда, а Боргомъ—хуторъ Торстейна.

вдовой, а раньше—за мужемъ за Тороддомъ, сыномъ Тюнгю-Одда, и была у нихъ тогда дочь Унгерда, которая воспиталась въ Боргѣ у Торстейна. Іоуфрида была женщина очень домовитая; было у нихъ съ Торстейномъ много дѣтей, однако лишь немногія попали въ эту сагу; Скули былъ старшій изъ ихъ сыновей, другой звался Кольсвейнъ, третій—Эгиль.

2. Однажды лѣтомъ, какъ разсказываютъ, пришелъ корабль съ моря въ устью рѣки Гювы; Бергфиннъ звался кормчій корабля, Норвежецъ по происхожденію, богатый имуществомъ и уже довольно пожилой; былъ онъ мужъ мудрый. Торстейнъ крестьянинъ ѣзжалъ бывало къ кораблямъ, и чаще всего онъ назначалъ цѣны для продажи; такъ было и на этотъ разъ. Норвежцы (мужи съ Востока) поразмѣстились на житьё, а кормчаго пріютилъ Торстейнъ, такъ какъ тотъ самъ просился къ нему. Бергфиннъ былъ неразговорчивъ зимой, но Торстейнъ принималъ гостя хорошо. Норвежецъ былъ большой охотникъ до сновъ. Однажды весной Торстейнъ разговорился съ Бергфинномъ, не хочетъ ли онъ ѣхать съ нимъ къ холму Вальфелю; тамъ было тогда мѣсто вѣча (тинга) для жителей Боргаръ-фіорда, а Торстейну сказали, что свалились стѣны его вѣчевой палатки [1]). Норвежецъ говоритъ, что разумѣется хочетъ, и поѣхали они верхомъ изъ дому въ тотъ-же день самъ третей съ работникомъ Торстейна, а ѣхали, пока не достигли у холма Вальфеля того хутора, что̀ зовется «въ Гре́ньяхъ»; тамъ жилъ одинъ небогатый мужъ по имени Атли, державшій землю на съёмъ отъ Торстейна [2]). И попросилъ Торстейнъ Атли, чтобы ѣхалъ онъ съ ними на работу и взялъ съ собой кирку да заступъ; тотъ сдѣлалъ это. И когда они пріѣхали къ мѣсту палатки, то принялись всѣ они за работу и вывели стѣны во всю

---

[1]) На мѣстѣ народнаго собранія (тинга) вожди жили въ палаткахъ втеченіе всего вѣча; въ обычное время отъ такой палатки оставалось только четыре стѣны изъ камня и земли, а во время вѣча надъ ними навѣшивались ковры изъ грубаго сукна.

[2]) Наслѣдственный арендаторъ.

длину. Погода была жаркая, солнечная и стало Торстейну и Норвежцу тяжко; и когда они вывели стѣны, тогда сѣли Торстейнъ съ Норвежцемъ на землю на мѣстѣ палатки, и заснулъ Торстейнъ и спалъ безпокойно; Норвежецъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ и не мѣшалъ ему видѣть сонъ; и когда тотъ проснулся, то захватило ему дыханіе. Норвежецъ спросилъ его, что онъ видѣлъ во снѣ, когда спалъ такъ безпокойно. Торстейнъ отвѣтилъ: «нѣтъ толка въ снахъ». И когда они ѣхали вечеромъ домой, то Норвежецъ спрашиваетъ еще разъ, что̀ Торстейнъ видѣлъ во снѣ. Торстейнъ говоритъ: «Если скажу тебѣ сонъ, то долженъ ты истолковать его, что онъ значитъ». Норвежецъ говоритъ, что попытается. Торстейнъ разсказалъ тогда: «Снилось мнѣ, будто-бы я у себя въ Боргѣ и стою я передъ краснымъ крыльцемъ и взглянулъ вверхъ на кровлю и увидалъ на самомъ конькѣ (на верхнемъ брусѣ) лебёдку прекрасную и пригожую, и казалось мнѣ, что моя она и что ужъ очень она хороша. Потомъ видѣлъ я, что летитъ сверху съ горъ большой орелъ; онъ прилетѣлъ сюда и подсѣлъ къ лебедкѣ и ворковалъ съ ней ласково и казалось мнѣ, что и она это охотно принимаетъ. Тогда замѣтилъ я, что орелъ черноглазый, и были у него желѣзные когти; молодцоватымъ показался мнѣ онъ. Потомъ видѣлъ я тутъ-же, что летитъ другой хищникъ съ Юга; прилетѣлъ онъ сюда въ Боргъ, сѣлъ на кровлю рядомъ съ лебедкой и хотѣлъ склонить ее къ себѣ. Это былъ тоже большой орелъ. Тотчасъ-же, показалось мнѣ, сталъ тотъ орелъ, что̀ сидѣлъ раньше, сильно сердиться, когда появился другой, и бились они жестоко и долго, и видѣлъ я, что оба исходили кровью, и кончилась ихъ игра тѣмъ, что каждый упалъ съ конька кровли въ свою сторону, и были тутъ оба мертвы. А лебедка осталась сидѣть, сильно опечаленная и грустная. И видѣлъ я тогда, что летитъ птица съ Запада: это былъ соколъ; онъ сѣлъ рядомъ съ лебедкой и былъ съ ней ласковъ, и потомъ улетѣли они оба вмѣстѣ прочь въ одну сторону; и тутъ проснулся я». «А сонъ этотъ не много значитъ», говоритъ онъ: «и приснился онъ видно передъ бурями, такъ что встрѣтятся въ воздухѣ вихри изъ тѣхъ странъ свѣта, откуда чудилось мнѣ, что летѣли птицы».

Говоритъ тогда Норвежецъ: «Не думаю я этого», молвитъ онъ: «чтобы оно такъ было». Торстейнъ-же сказалъ: «Сдѣлай ты изъ этого сна, чтò тебѣ кажется самымъ близкимъ къ истинѣ, а я послушаю». Норвежецъ сталъ сказывать: «Птицы эти видно духи-хранители мужей; а жена твоя нездорова и родится у нея ребенокъ—дочь красивая и пригожая, и будешь ты ее очень любить и будутъ свататься за твою дочь два знатныхъ мужа изъ тѣхъ странъ свѣта, откуда снилось тебѣ, что прилетали орлы, и полюбятъ они ее страстно и станутъ биться изъ-за нея, и лишатся оба жизни на этомъ; а затѣмъ посватается за нее третій мужъ изъ той стороны, откуда прилетѣлъ соколъ, и за него будетъ она и выдана. Вотъ я и истолковалъ тебѣ сонъ твой и думается мнѣ, что такъ и сбудется». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Злостно истолкованъ сонъ и не по дружески», молвитъ нъ: «и видно ты не умѣешь толковать сновъ». Норвежецъ говоритъ: «Узнаешь ты на дѣлѣ, какъ это потомъ сбудется». Торстейнъ сталъ питать непріязнь къ Норвежцу, и уѣхалъ тотъ лѣтомъ прочь и нѣтъ его больше въ сагѣ.

3. Лѣтомъ сталъ Торстейнъ собираться на вѣче и сказалъ Іоуфридѣ, своей хозяйкѣ, прежде чѣмъ уѣхалъ изъ дому: «Дѣло идетъ къ тому, что родится у тебя ребенокъ; и должна ты этого ребенка бросить безъ призора, если родится дѣвочка, но воспитать, если будетъ мальчикъ»; такъ молвилъ онъ. Былъ это тогда нѣкій обычай, когда страна была еще совсѣмъ языческой, что люди, если они были небогаты, а на рукахъ у нихъ оставалось много необезпеченныхъ дѣтей, то бросали они своихъ ребятъ безъ призора; впрочемъ это всегда считалось дурнымъ. И когда Торстейнъ сказалъ это, то отвѣчаетъ Іоуфрида: «Не идетъ эта рѣчь такому мужу, какъ ты», молвитъ она: «и врядъ-ли захочешь ты это сдѣлать, такой богатый мужъ, какъ ты». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Знаешь ты мой нравъ», молвитъ онъ: «что не сладко тебѣ прійдется, когда не будетъ исполнено». Затѣмъ уѣхалъ онъ на вѣче, а у Іоуфриды родился тѣмъ временемъ ребенокъ, очень красивая дѣвочка. Женщины хотѣли нести ребенка къ ней, а она сказала, что нѣтъ въ томъ большой надобности, и велѣла позвать къ себѣ своего чабана

(овечьяго пастуха), котораго звали Торвардъ, и молвила ему: «Возьми ты мою лошадь, осѣдлай и отвези этого ребенка на Западъ въ Ярдаргольтъ [1]) къ Торгердѣ, дочери Эгиля, и попроси ее воспитать дѣвочку тайно, чтобы не узналъ Торстейнъ; и гляжу я на этого ребенка такими влюбленными глазами, что уже конечно не допущу бросить его безъ призора. А вотъ три марки серебра, ихъ возьмешь ты въ награду за труды; а Торгерда найдетъ тебѣ случай отплыть тамъ на Западѣ и устроитъ тебя на время пути черезъ море». Торвардъ сдѣлалъ, какъ она наказывала. Потомъ уѣхалъ онъ съ ребенкомъ на Западъ въ Ярдаргольтъ и передалъ его на руки Торгердѣ; а она велѣла своему оброчному крестьянину [2]), который жилъ въ Лейсингьястадахъ на Вамсфіордѣ [3]), воспитать дѣвочку, а Торварду дала она возможность отплыть на Сѣверѣ въ заливѣ Скельи по Стейнгримсфіорду и устроила его на время пути черезъ море, и уѣхалъ онъ прочь и нѣтъ его болѣе въ сагѣ.

И когда Торстейнъ вернулся домой съ вѣча, то Іоуфрида сказала ему, что ребенокъ брошенъ, какъ онъ наказывалъ, а что чабанъ (овечій пастухъ) убѣжалъ и выкралъ у нея лошадь. Торстейнъ сказалъ, что она правильно сдѣлала, и взялъ себѣ новаго пастуха. И вотъ прошло такъ шесть зимъ, что это не обнаруживалось. И тогда поѣхалъ Торстейнъ на званый пиръ на Западъ въ Ярдаргольтъ къ Олафу Павлину, своему зятю, который въ то время, казалось, пользовался наибольшимъ почетомъ изо всѣхъ вождей тамъ на Западѣ. Торстейнъ былъ принятъ тамъ хорошо, какъ и слѣдовало ожидать. И однажды на пиру, какъ сказываютъ, сидѣли Торгерда за бесѣдой съ Торстейномъ, братомъ своимъ, на почетномъ мѣстѣ [4]), а Олафъ

---

[1]) Хуторъ въ долинѣ рѣки Лаксау по Вамсфіорду.

[2]) Наслѣдственному арендатору.

[3]) Вамсфіордъ—большой южный рукавъ Брейдифіорда на западномъ берегу Исландіи.

[4]) Застольная горница тянулась въ Исландскомъ домѣ съ Востока на Западъ. Вдоль длинныхъ стѣнъ ставились двѣ скамьи—«верхняя» почетная

велъ разговоръ съ другими людьми. А прямо напротивъ нихъ на скамьѣ сидѣли три дѣвочки. Тогда сказала Торгерда: «какъ нравятся тебѣ, братъ, эти дѣвочки, что̀ сидятъ здѣсь напротивъ насъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Очень нравятся», молвилъ онъ: «а всетаки одна всѣхъ красивѣе, и красота у нея Олафа, а бѣлизна и черты лица—нашего рода изъ «Болотъ» [1]). Торгерда отвѣчаетъ: «Конечно, это правда, когда ты говоришь, братъ, что у нея бѣлизна и черты лица—нашего рода изъ «Болотъ», но красота не отъ Олафа Павлина, потому что она не его дочь». —«Какъ можетъ это быть», говоритъ Торстейнъ: «вѣдь всетаки она твоя дочь?» Та отвѣчаетъ: «Говоря тебѣ по правдѣ, братъ»' молвила она: «это твоя дочь, а не моя, красивая-то дѣвочка». И говоритъ ему затѣмъ все, какъ было, и проситъ простить ей и женѣ своей это ослушаніе. Торстейнъ молвилъ: «Не могу я васъ укорять за это, и правитъ судьба туда, куда хочетъ, въ большинствѣ дѣлъ; обѣ вы хорошо загладили мое недомысліе: дѣвочка эта такъ мнѣ нравится, что считаю я это большимъ счастьемъ имѣть столь красиваго ребенка. Однако, какъ же ей имя?« —«Зовутъ ее Эльгой» [2]), говоритъ Торгерда. «Эльга Красавица», молвитъ Торстейнъ: «ну, теперь должна ты снарядить ее въ путь домой со мной». Она такъ и сдѣлала. Торстейна провожали оттуда добрыми дарами; и поѣхала Эльга съ нимъ домой, и выросла она тамъ, и была ей большая честь и любовь отъ отца, матери и всей родни.

вдоль сѣверной, «нижняя»—по южной. По срединѣ каждой скамьи было «высокое сидѣнье»; по сѣверной скамьѣ на «высокомъ сидѣньѣ» сидѣлъ хозяинъ, по южной—самый почетный гость. По передней стѣнѣ, прямо противъ входа, стояла иногда скамья для женщинъ (pallr). Передъ каждой скамьей ставились на время ѣды столы. На полу между скамьями, по срединѣ застольной, былъ очагъ.

[1]) «Болота» (Миры, Mýrar)—мѣстность въ окрестностяхъ Борга; здѣсь жилъ родъ скальда Эгиля, сына Скаллагрима, о которомъ существуетъ особая сага.

[2]) «Эльга» ближе къ подлинному произношенію, нежели условное «Гельга».

4. Въ это время жилъ дальше въ глубь страны по «Бѣлой Рѣкѣ» [1]) на хуторѣ въ Гильсбаккѣ Иллуги Черный, сынъ Алькеля. Иллуги былъ самый могущественный вождь въ Боргаръ-фіордѣ на ряду съ Торстейномъ, сыномъ Эгиля. Иллуги Черный былъ крупный собственникъ, мужъ очень суровый, но хорошо относился къ своимъ друзьямъ. Онъ женился на Ингибьёргѣ, дочери Аусбьёрна. Дѣтей у Ингибьёрги и Иллуги было много, но не многіе попали въ эту сагу. Эрмюндъ назывался одинъ ихъ сынъ, а другой Гюнлейгъ. Оба они подавали большія надежды и въ то время только что достигли возмужалости. Про Гюнлейга сказано такъ, что онъ рано созрѣлъ, былъ рослый и сильный, съ свѣтло-каштановыми волосами, низпадавшими очень красиво, черными глазами и немного неправильнымъ носомъ, но лицомъ привлекательнымъ, тонкій въ станѣ и съ широкими плечами, сложенъ стройнѣе всѣхъ другихъ мужей, по всему своему характеру мужъ безпокойный и съ раннихъ лѣтъ отважно-честолюбивый и во всемъ безпощадный и твердый, великій скальдъ, довольно язвительный въ стихахъ насмѣшливыхъ и прозванъ былъ Гюнлейгомъ Змѣинымъ Языкомъ. Эрмюндъ былъ изъ двоихъ братьевъ наиболѣе любимъ и имѣлъ всю внѣшность вождя. И когда Гюнлейгу было 15 зимъ отъ роду попросилъ онъ отца дать ему средства на дальній путь и говорилъ, что хочетъ плыть за море и видѣть обычаи другихъ людей. Иллуги—крестьянинъ принялъ это неохотно, сказалъ, что на дурномъ счету будетъ сынъ въ чужихъ краяхъ, если уже здѣсь дома отецъ видитъ себя почти не въ силахъ обуздывать сына такъ, какъ хочетъ. И однажды утромъ, не много спустя, случилось такъ, что Иллуги—крестьянинъ вышелъ рано и увидалъ, что кладовая его была отперта и были выложены на дворъ какіе-то шесть мѣшковъ съ товаромъ и вмѣстѣ съ ними чепраки. Онъ очень удивился этому. Потомъ подходитъ тутъ человѣкъ и ведетъ четырехъ лошадей, и былъ это Гюнлейгъ, его сынъ; и сказалъ: «я», молъ, «выложилъ эти

---

[1]) «Вит-ау» № 1 впадаетъ въ Боргаръ-фіордъ.

мѣшки!» Иллуги спросилъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такъ. Тотъ сказалъ, что это будутъ ему средства на дальній путь. Иллуги молвилъ: «Не смѣешь ты взять у меня насильно власть, и никуда ты не поѣдешь, пока я не захочу» и втащилъ назадъ мѣшки съ товарами. Гюнлёйгъ уѣхалъ тогда прочь оттуда и къ вечеру явился на берегу въ Боргъ. Торстейнъ крестьянинъ предложилъ ему жить тамъ, и на это соглашается онъ. Гюнлёйгъ говоритъ Торстейну, что̀ произошло между нимъ и отцомъ. Торстейнъ просилъ его оставаться тамъ столько времени, сколько хочетъ, и оставался онъ тамъ слѣдующія два полугодія и учился законовѣдѣнію у Торстейна, и всѣ люди относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Всегда коротали время Гюнлёйгъ съ Эльгой за игральной доской; оба они стали скоро питать другъ къ другу теплую привязанность, какъ позднѣе оно стало ясно. Они были какъ разъ однихъ лѣтъ. Эльга была такъ хороша, что умные люди сказывали, будто была она самая красивая женщина на Исландіи. Волоса у нея были такіе длинные, что могли прикрыть ее всю, и такъ красивы, какъ кованное золото, и считалось тогда, что нѣтъ лучше невѣсты для выбора, какъ Эльга, во всемъ Боргаръ-фіордѣ и даже дальше въ другихъ мѣстахъ.

И однажды, когда мущины сидѣли въ горницѣ въ Боргѣ, тогда сказалъ Гюнлёйгъ Торстейну: «есть одна вещь въ законахъ, которой ты не научилъ меня—закрѣпить за собой невѣсту». Торстейнъ говоритъ: «это не трудное дѣло» и растолковалъ ему обрядъ. Тогда молвилъ Гюнлёйгъ: «Теперь долженъ ты знать, такъ-ли я это понялъ, и возьму я тебя сейчасъ за руку и стану дѣлать все такъ, какъ будто-бы сговариваю я за себя Эльгу, дочь твою». Торстейнъ говоритъ: «Не вижу я въ этомъ надобности», молвитъ онъ. Гюнлёйгъ поймалъ его тогда тутъ-же за руку и сказалъ: «Ну, позволь-же мнѣ это», молвитъ онъ. «Дѣлай, какъ хочешь», говоритъ Торстейнъ: «но пусть знаютъ тѣ, кто стоитъ возлѣ, что все это будетъ какъ-бы недѣйствительнымъ и не должно за этимъ скрываться никакого обмана». Затѣмъ нарекъ Гюнлёйгъ себѣ свидѣтелей и помолвилъ за себя Эльгу и спросилъ потомъ, будетъ-ли такъ прокъ. Тотъ

сказалъ, что такъ оно сойдетъ, и очень тѣшились этимъ тѣ люди, которые стояли подлѣ.

5. Энюндомъ звали мужа, который жилъ на Югѣ въ Мосфеллѣ (хуторъ «Мшистый Пригорокъ»); былъ онъ самый богатый человѣкъ и глава общины[1]) тамъ на Югѣ около мыса. Онъ былъ женатый человѣкъ, и звалась Гейрни жена его, дочь Гнупа, внучка Мольда-Гнупа, который при первомъ заселеніи Исландіи занялъ[2]) на Югѣ Гринда-викъ (заливъ). У нихъ были сыновья Шрапнъ[3]) и Тоураринъ и Эйндриди. Всѣ они подавали большія надежды, но все-таки былъ Шрапнъ во всемъ первый между ними. Былъ онъ мужъ рослый и сильный, самый видный изъ мужчинъ и хорошій скальдъ. И когда онъ вполнѣ возмужалъ, то плавалъ онъ въ чужіе края и всюду, куда только приходилъ, имѣлъ большой почетъ. Въ это время жили на Югѣ на хуторѣ Ялли («Косогоръ») въ области Эльфюсъ[4]) Тоуроддъ Умный, сынъ Эйвинда, и Скапти, его сынъ, бывшій тогда законотолкователемъ[5]) на Исландіи. Мать Скапти

---

[1]) «Гозси» (Godhi)—глава волости («геразсъ»— heradh) на Исландіи. Въ языческія времена онъ объединялъ обязанности жреца при храмѣ и главы населенія, тяготѣвшаго къ этому храму; съ введеніемъ христіанства онъ сохранилъ только свѣтскія обязанности, по преимуществу заботы о правосудіи. Должность «гозси» и совокупность его правъ обозначается словомъ «гозе—орзсъ» (godhordh).

[2]) О первомъ заселеніи Исландіи всегда употребляется выраженіе «взять» (nema). Первое заселеніе—«заимка страны» (Landnàm), а первые поселенцы, къ которымъ восходятъ исландскія родословныя—Landnámsmenn.

[3]) Древне-исландское написаніе — «Храфнъ» (Hrafn). На нашъ слухъ своеобразное произношеніе Hr современными исландцами было ближе передать черезъ «Шрапнъ» или даже «Шьрапнъ», нежели черезъ «Храпнъ».

[4]) Волость Эльфюсъ лежала къ западу отъ широкой рѣки, Эльфюсъ, которая образуется изъ соединенія «Бѣлой Рѣки» (Вит-ау) № 2 съ южнымъ истокомъ внутренняго озера (Эльфюсъ-ватнъ, «вода»); на сѣверной оконечности этого озера лежала равнина Альтинга.

[5]) «Толкователь Закона» (Lögsögumadhr) – представитель законодательной власти для всей Исландіи; онъ примѣнялъ законы въ случаѣ суда и толковалъ ихъ на тингѣ (вѣчѣ).

была Ранвейга, дочь Гнупа, внучка Мольда-Гнупа, и были Скапти и сыновья Энюнда — двоюродными братьями (дѣтьми двухъ родныхъ сестеръ). Была большая дружба между родичами. Въ тоже время жилъ ближе къ берегу на хуторѣ Рёйдамель[1]) («Бугоръ Краснаго Песку») Торфиннъ, сынъ Сельтоурира, и имѣлъ семерыхъ сыновей, и подавали они всѣ хорошія надежды; и были это въ той мѣстности у берега самые значительные люди, и всѣ эти мужи, которые теперь названы, жили въ одно время.

Вскорѣ послѣ этого совершилось событіе самое лучшее, какое только когда либо было здѣсь на Исландіи, а именно, что вся страна приняла христіанство и весь народъ отступился отъ прежней вѣры. Гюнлёйгъ Змѣиный Языкъ, о которомъ сказано было раньше, жилъ теперь попеременно то въ Боргѣ у Торстейна, то дома у Иллуги, своего отца, на хуторѣ въ Гильсбаккѣ (Хуторъ на Холмѣ), три зимы, и было ему тогда отъ роду 18 зимъ и примирились вполнѣ отецъ съ сыномъ. Звался одинъ мужъ Торкель Черный; онъ былъ домочадецъ у Иллуги и близкій родственникъ и выросъ тамъ. Ему досталось наслѣдство на Сѣверѣ въ Ватнсдалѣ на хуторѣ Аусѣ («Хребетъ горы») и просилъ отъ Гюнглейга ѣхать съ нимъ, и тотъ сдѣлалъ такъ, и поѣхали они оба вмѣстѣ на Сѣверъ въ Аусъ, и выдали имущество тѣ, кто хранилъ его, благодаря вмѣшательству Гюнлёйга. И когда ѣхали они съ Сѣвера, то сдѣлали привалъ въ Гримстюнгахъ у богатаго крестьянина, который тамъ жилъ. А утромъ взялъ чабанъ (овечій пастухъ) лошадь Гюнлейга, и была она затѣмъ взмылена сильно, когда они получили ее назадъ. Гюнлёйгъ ударилъ чабана такъ, что тотъ обмеръ. Крестьянинъ не хотѣлъ оставить дѣло такъ и требовалъ выкупъ. Гюнлёйгъ предложилъ, что заплатитъ крестьянину марку. Крестьянину показалось это слишкомъ мало.

---

[1]) «Красный Бугоръ»—хуторъ близъ рѣчки, впадающей въ Факсафіордъ на восточной сторонѣ большого полуострова, который образуется на Западомъ берегу Исландіи между двумя большими фіордами — Факсафіордомъ и Брейдифіордомъ.

Гюнлёйгъ сказалъ тогда такой стихъ:

Предлагаю марку новую
Я хозяину въ Гримстюнгахъ [1]),
Малосильному крестьянину.
Долженъ ты принять возмездіе,
А не то еще раскаешься,
Какъ упустишь изъ мошны
Золото (—огонь рѣки—)
Мужа, щедраго на деньги [2]).

На томъ они и примирились, какъ предложилъ Гюнлёйгъ, и поѣхали тѣ на Югъ домой, когда дѣло было сдѣлано.

А не много спустя, попросилъ Гюнлёйгъ у своего отца средства на дальній путь во второй разъ. Иллуги говоритъ: «Теперь пусть будетъ, какъ ты хочешь; сталъ ты», молвитъ онъ: «нѣсколько лучше противъ того, какъ раньше былъ». Поѣхалъ Иллуги тотчасъ изъ дому и купилъ въ распоряженіе Гюнлёйга половину корабля, что̀ стоялъ при устьѣ рѣки Гювы, у Эйдюна Цѣпной Собаки. И когда Иллуги пришелъ домой, Гюнлёйгъ поблагодарилъ его очень. Торкель Черный порѣшилъ ѣхать съ Гюнлёйгомъ, и кладь ихъ была снесена на корабль.

---

[1]) Хуторъ «Гримстюнги» («Языкъ Змѣи») выраженъ въ подлинникѣ загадкой: копье зева (языкъ) изрыгателя пламени (дракона).

[2]) Золото выражено въ подлинникѣ дважды метафорически: «Если упустишь изъ кошелька «жаръ обители угрей (=золото) мужа, опустошающаго ложе змѣенышей (=расточающаго золото)». Это обычныя обозначенія, золото—«огонь рѣки», «ложе змѣя». Ближе къ подлиннику будетъ такой переводъ:

Я предложилъ новую марку
Не особенно сильному крестьянину,
Собственнику въ Гримстюнгахъ.
Ты долженъ принять эту честь (выкупъ).
Раскаиваться будешь ты,
Если упустишь изъ кошля
Золото (огонь рѣкъ)
Мужа, щедро раздающаго деньги.

Но Гюнлёйгъ былъ въ Боргѣ, пока снаряжали корабль, и казалось ему веселѣе говорить съ Эльгой, нежели быть на работѣ съ купцами. Однажды спросилъ Торстейнъ Гюнлёйга, не хочетъ ли онъ ѣхать съ нимъ къ лошадямъ въ глубь страны въ долину «Длинная Вода» (Ланга-ватнсдалюръ [1]). Гюнлёйгъ сказалъ, что согласенъ. Вотъ ѣдутъ они оба вмѣстѣ, пока не достигли загоннаго двора (варкà), что зовется «на Торгилевыхъ Мѣстахъ»; и были тамъ племенные кони, которые принадлежали Торстейну, четыре коня вмѣстѣ и гнѣдой масти. Жеребецъ былъ очень красивъ и мало ѣзжанъ. Торстейнъ предложилъ, что подаритъ коня Гюнлёйгу; но тотъ сказалъ, что не нужно ему коней, если намѣренъ онъ плыть за предѣлы страны. И тогда поѣхали они къ другому конскому двору; былъ тамъ сѣрый жеребецъ и четыре матки, и былъ этотъ конь лучшимъ въ Боргскомъ фіордѣ, и предложилъ Торстейнъ подарить его Гюнлёйгу. Тотъ отвѣчаетъ: «Ни хочу я ни этого, ни другого; ну, а отчего не предлагаешь ты мнѣ то, что я хочу принять?» «Что это?», говоритъ Торстейнъ. Гюнлёйгъ молвилъ: «Эльгу Красавицу, дочь твою». Торстейнъ отвѣчаетъ: «не такъ скоро рѣшится еще это», говоритъ онъ и завелъ рѣчь о другомъ и поѣхали они по дорогѣ домой вдоль «Длинной Рѣки». Тогда сказалъ Гюнлёйгъ: «Знать хочу я», молвитъ онъ: «какъ же ты отвѣтишь мнѣ на сватовство?» Торстейнъ отвѣчаетъ: «Не обращаю я вниманія на твою болтовню», молвитъ онъ. Гюнлёйгъ сказалъ: «Это мой подлинный умыселъ, а не болтовня». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Долженъ ты прежде знать, чего ты собственно хочешь. Развѣ ты не рѣшилъ плыть въ даль? И ведешь себя такъ, словно собираешься жениться. Не ровня ты Эльгѣ, пока ты такой шаткій, и не стоитъ это большаго вниманія». Гюнлёйгъ сказалъ: «Куда же мѣтишь ты съ замужествомъ твоей дочери, если не хочешь выдать ее за сына Иллуги Чернаго? Или гдѣ они въ Боргскомъ фіордѣ, кто въ большемъ почетѣ, чѣмъ онъ?» Торстейнъ отвѣчаетъ: «Не могу я

---

[1]) «Длинное Озеро», откуда вытекаетъ Лангау, «Длинная Рѣка».

пускаться въ сравненіе мужей», молвитъ онъ: «но будь ты такой мужъ, какъ отецъ твой, тогда не было бы тебѣ и отвазу». Гюнлёйгъ молвилъ: «За кого же хочешь ты лучше отдать свою дочь, если не за меня?» Торстейнъ отвѣчаетъ: «Здѣсь много добрыхъ мужей для выбора. У Торфинна на хуторѣ «Красный Бугоръ» семь сыновей, и всѣ вполнѣ мужественные». Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Ни одинъ изъ этихъ мужей, ни Энюндъ, ни Торфиннъ не ровня моему отцу; ибо и тебѣ очевидно далеко до него. Или есть за тобой что либо подобное тому, какъ велъ онъ тяжбу съ Торгримомъ, главой общины (гозси—godhi), и сыномъ его на тингѣ на Торовомъ Мысу [1]) и выигралъ одинъ то, изъ за чего шло дѣло». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Я согналъ долой Стейнара, сына Энюнда Зоркаго, и казалось это довольно отважнымъ предпріятіемъ». Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Ты прибѣгъ для этого къ помощи отца твоего Эгиля [2]): наконецъ, не многимъ крестьянамъ сойдетъ это благополучно съ рукъ — отказать мнѣ въ свойствѣ». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Пускай въ ходъ насиліе тамъ внутри страны у горъ, а здѣсь на берегу въ Мирахъ («Болотахъ») тебѣ отъ него не будетъ пользы».

---

[1]) Торольвъ съ острова Мостра (на Сѣверъ отъ Ставангера въ Норвегіи) при первой колонизаціи Исландіи занялъ землю по сѣверной сторонѣ того полуострова, который на западномъ берегу Исландіи выдается между Факсафіордомъ и Брейдифіордомъ. Тотъ мысъ, куда теченіе принесло стойки его креслъ, выброшенныя на удачу за бортъ, и гдѣ онъ впервые вышелъ на берегъ, назвалъ онъ мысомъ Тора (Торснесъ). Тамъ собиралось вѣче (Торснесъ-тингъ), которое одно время было четвертнымъ вѣчемъ для западной четверти Исландіи. На этомъ тингѣ Иллуги Черный велъ дѣло противъ Торгрима говси (главы общины) и его рода изъ за приданаго жены Игибьерги. Иллуги выигралъ тяжбу при помощи главы общины Снорри.

[2]) Когда умерла жена Эгиля, сына Скаллагрима, то Эгиль уступилъ хуторъ Боргъ сыну своему Торстейну. Въ тоже время старый Энюндъ Зоркій уступилъ хуторъ Аунабрекка (къ С. З. отъ Борга) сыну Стейну. Владѣнія Торстейна и Стейна соприкасались, и скотъ Стейна пасся лѣтомъ на землѣ Торстейна. Возникшая изъ за этого тяжба кончилась тѣмъ, что Стейнъ потерялъ свой хуторъ. См. сагу объ Эгилѣ, сынѣ Скаллагрима, который помогалъ своему сыну въ тяжбѣ.

Вечеромъ возвращаются они домой, а утромъ ѣдетъ Гюнлейгъ въ глубь страны на хуторъ Гильсбакки и проситъ отца своего ѣхать съ нимъ къ берегу въ Боргъ ради сватовства. Иллуги отвѣчаетъ: «Шаткій ты человѣкъ! Тогда какъ ты намѣренъ плыть въ даль, ведешь ты себя такъ, словно надо тебѣ хлопотать о сватовствѣ, и знаю я, что такое поведеніе не по нраву Торстейну». Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Какъ бы то ни было, а я все-таки собираюсь въ путь, и буду я недоволенъ, если ты не возьмешься за это дѣло». Послѣ этого поѣхалъ Иллуги изъ дому съ 11 мужами [1]) внизъ къ Боргу, и принялъ его Торстейнъ хорошо. Рано утромъ сказалъ Иллуги Торстейну: «Я хочу говорить съ тобой». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Взойдемъ вонъ на горку и давай тамъ говорить», и такъ и сдѣлали они; Гюнлейгъ пошелъ съ ними. Тогда молвилъ Иллуги: «Гюнлейгъ, сынъ мой, сказываетъ, что обращался къ тебѣ со сватовствомъ отъ своего имени, и просилъ за себя Эльгу, дочь твою; а теперь хочу я знать, какой же исходъ получитъ дѣло. Извѣстенъ тебѣ родъ его и наше имущество; не поскупимся мы съ нашей стороны ни на хуторъ для осѣдлости, ни на власть надъ мужами, коли такъ будемъ ближе къ цѣли, чѣмъ прежде». Отвѣчаетъ Торстейнъ: «Одно только корю я въ Гюнлейгѣ, что кажется онъ мнѣ непостояннымъ человѣкомъ», молвитъ онъ: «но если бы былъ онъ нравомъ похожъ на тебя, тогда бы я не сталъ долго разсуждать». Отвѣчаетъ Иллуги: «Это положитъ конецъ нашей дружбѣ, если ты не признаешь насъ съ сыномъ, равными тебѣ!» Отвѣчаетъ Торстейнъ: «Ради этихъ словъ» говоритъ онъ: «и ради нашей дружбы, пусть будетъ Эльга сговорена за Гюнлейга, но не помолвлена, и ждетъ три зимы, а Гюнлейгъ пусть плыветъ въ даль и усвоитъ себѣ обычаи хорошихъ людей; а я буду свободенъ отъ всякихъ обѣщаній, если онъ не вернется тогда на Исландію или если не понравится мнѣ его поведеніе». И на этомъ разстаются они. Ѣдетъ Иллуги домой, а Гюнлейгъ на корабль. И когда подулъ имъ по-

[1]) Самъ двѣнадцать.

путный вѣтеръ, пустились они въ море и пришли съ своимъ кораблемъ на Сѣверъ къ берегу Норвегіи и поплыли въ глубь Троньемскаго фіорда вдоль береговъ до Нидароса [1]) и легли тамъ у пристани и выгрузили кладь.

6. Въ это время правилъ въ Норвегіи Эйрикъ Ярль [2]), сынъ Гаукона, и Свейнъ, братъ его. Эйрикъ Ярль имѣлъ тогда столицу въ Ладахъ [3]), въ своей вотчинѣ, и былъ могущественнымъ государемъ. Скули, сынъ Торстейна, жилъ тогда при ярлѣ и былъ его дружинникомъ и въ большой чести у него. Разсказываютъ, что Гюнлейгъ и Эйдюнъ Цѣпная Собака пошли въ семеромъ въ Лады. Гюнлейгъ одѣлся такъ, что былъ на немъ сѣрый кафтанъ и бѣлыя штанины [4]). Опухоль имѣлъ онъ на ногѣ ниже подъема; шла оттуда кровь и гной, когда онъ ступалъ. И въ такомъ видѣ явился онъ передъ ярлемъ съ Эйдюномъ, и оба они привѣтствовали ярля честь-честью. Ярль зналъ Эйдюна и спрашиваетъ у него новости съ Исландіи; а Эйдюнъ говорилъ тѣ, что были у него. Ярль спрашиваетъ Гюнлейга, кто онъ будетъ; а тотъ сказалъ ему свое имя и родъ. Ярль молвилъ: «Скули, сынъ Торстейна, изъ какихъ онъ людей на Исландіи?», такъ сказалъ онъ. «Государь!» говоритъ тотъ: «пріими его хорошо: онъ сынъ лучшаго мужа на Исландіи — Иллуги Чернаго съ хутора Гильсбакки и мой товарищъ по воспитанію». Ярль молвилъ: «Что у тебя съ ногой, Исландецъ?» — «Опухоль на ней, государь», сказалъ тотъ. «А ступалъ ты однако не хромая?» говоритъ ярль. Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Чего мнѣ хромать, пока обѣ ноги въ одну длину». Тогда молвилъ дружинникъ, который звался Тоурирь: «Этотъ

[1]) «Устье рѣки Нидъ» — теперешній городъ Троньемъ.

[2]) Ярль чаще всего — глава небольшого государства въ Норвегіи, иногда въ зависимости отъ конунга, какъ верховнаго государя.

[3]) Hladhir близъ Троньема.

[4]) Leista — broekr — нижнее платье, составлявшее сразу и брюки, и чулки.

очень ужъ чванится, Исландецъ, и хорошо было бы намъ немного проучить его». Гюнлейгъ взглянулъ на него и сказалъ:

«Есть дружинникъ одинъ,
Тотъ, что много вредитъ;
Бойтесъ вѣрить ему:
Золъ и чёренъ душой!»

Тогда хотѣлъ Тоурирь схватиться за топоръ. Ярль молвилъ: «Оставь въ покоѣ», говоритъ онъ: «не должны люди обращать вниманіе на такія выходки. Ну, а какой твой возрастъ, Исландецъ?» Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Мнѣ теперь 18 зимъ», говоритъ онъ. «Это готовъ я утверждать», говоритъ ярль: «что не прожить тебѣ еще другихъ восемнадцати». Гюнлейгъ молвилъ, но очень тихо: «Не моли ты для меня проклятія, а моли лучше для себя». Ярль молвилъ: «Что ты теперь сказалъ, Исландецъ?» Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Такъ, какъ по моему быть должно, что бы ты не просилъ для меня проклятія, а просилъ бы себѣ самому благословенія». — Какого же?» говоритъ ярль. «Что бы не постигла тебя такая же смерть, какъ Гаукона ярля, отца твоего[1])». Ярль вдругъ сталъ красенъ, какъ кровь, и велѣлъ убрать тотчасъ же этого «дурака». Тогда сталъ Скули передъ ярлемъ и молвилъ: «Сдѣлай, государь, по моему слову и дай ты мужу пощаду, и пусть онъ ѣдетъ прочь, какъ можно скорѣе». Ярль молвилъ: «Пусть онъ убирается, какъ можно скорѣе, если хочетъ пощады, и пусть никогда затѣмъ не приходитъ въ мое государство». Тогда вышелъ Скули съ Гюнлейгомъ и отправился къ пристани. Стоялъ тамъ англійскій корабль, готовый къ отплытію, и Скули добылъ на нёмъ проѣздъ Гюнлейгу и Торкелю, родственнику его; а Гюнлейгъ отдалъ Эйдюну свой корабль на храненіе и кладь свою, которую не взялъ съ собой. И вотъ плывутъ они съ Гюнлейгомъ въ Англійское море и пристали они по осени на Югѣ къ Лондонской пристани и вкатили свой корабль по круглому бревну на берегъ.

---

[1]) Гаукону ярлю предательски перерѣзалъ во снѣ горло его собственный холопъ, чтобы получить награду отъ Олава Трюгвасона.

7. Тогда правилъ въ Англіи конунгъ Этельредъ, сынъ Эдгара [1]), и былъ добрымъ государемъ; онъ пребывалъ эту зиму въ Лондонскомъ городкѣ. Гюнлейгъ пошелъ тотчасъ къ конунгу и привѣтствовалъ его складно и съ уваженіемъ. Конунгъ спросилъ, изъ какой онъ будетъ страны. Гюнлейгъ говоритъ, какъ было: «А я потому искалъ встрѣчи съ Вами, государь, что сложилъ я стихъ о Васъ и хотѣлъ, чтобы Вы выслушали его». Конунгъ сказалъ, что пусть оно такъ и будетъ. Гюнлейгъ произнесъ стихъ хорошо и мужественно, а припѣвъ въ немъ такой:

Весь народъ боится, словно Бога,
Щедраго владыки Англичанъ,
И склоняются князья, простолюдины
Передъ пылкимъ въ битвѣ Этельредомъ.

Конунгъ поблагодарилъ его за стихъ и далъ ему въ награду за поэзію пурпуровый плащъ, подбитый самымъ лучшимъ мѣхомъ и отороченный на груди до низу, и сдѣлалъ его своимъ дружинникомъ, и пробылъ Гюнлейгъ у конунга зиму и былъ въ добромъ почетѣ. И однажды рано утромъ встрѣтилъ тогда Гюнлейгъ трехъ людей на улицѣ, и звали Тоурормъ того, который былъ у нихъ нáбольшимъ. Это былъ мужъ рослый, сильный и страшно необходительный. Онъ сказалъ: «Норвежецъ, дай мнѣ взаймы сколько нибудь денегъ»; такъ молвилъ онъ. Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Неразумно это давать деньги незнакомымъ людямъ». Тотъ отвѣчаетъ: «Я заплачу тебѣ въ назначенный день».—«Ну, тогда можно попытать удачу», говоритъ Гюнлейгъ. Затѣмъ далъ ему деньги. И немного спустя свидѣлся Гюнлейгъ съ конунгомъ и говоритъ ему о ссудѣ взаймы. Конунгъ отвѣчаетъ: Ну, плохое дѣло вышло: это самый большой разбойникъ и викингъ и не связывайся ты съ нимъ; но я дамъ тебѣ столько-же денегъ». Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Скверные мы тогда выходимъ люди», говоритъ онъ: «дружинники

[1]) По древне-исландски Адальраудъ, сынъ Яутгейра (Adhalradh Jàtgeirsson.

Ваши: нападаемъ на невинныхъ людей, а такимъ вотъ разбойникамъ позволяемъ распоряжатся нашимъ добромъ; и никогда этому не бывать». И, не много спустя, встрѣтился онъ съ Тоурормомъ и потребовалъ съ него деньги; но тотъ сказалъ, что не заплатитъ. Тогда Гюнлейгъ произнесъ такой стихъ:

Викингъ, богъ звенящаго желѣза!
Неудачный избралъ ты совѣтъ —
Удержать себѣ мое добро,
Къ хитрости прибѣгнувъ противъ мужа,
Кровью обагрявшаго мечи.
Долженъ знать, что я не безъ причины
Прозванъ былъ Змiинымъ Языкомъ
Съ юныхъ лѣтъ, и здѣсь я виду случай
Это имя съ честью оправдать [1]).

«Ну, такъ я предложу тебѣ рѣшенiе по закону», говоритъ Гюнлейгъ: «чтобы ты заплатилъ мнѣ деньги мои или иначе иди со мной на поединокъ, въ три ночи сроку». И на томъ они и разстались съ Гюнлейгомъ на этотъ разъ. Гюнлейгъ разсказалъ конунгу, что между ними было. Тотъ отвѣчаетъ: Ну, теперь выходитъ безнадежное положенiе; этотъ мужъ притупляетъ всякое оружiе. Долженъ ты теперь слѣдовать моимъ совѣтамъ. Вотъ здѣсь мечъ, который хочу я тебѣ дать: имъ долженъ ты замахнуться, а покажи ему другой». Гюнлейгъ очень благодарилъ конунга. И когда они были готовы къ поединку, тогда спрашиваетъ Тоурормъ, каковъ тотъ мечъ, который онъ

[1]) Ближе къ подлиннику будетъ такой переводъ:

Неудачный это для тебя совѣтъ (рѣшенiе),
О богъ бряцающаго металла (о воинъ!),
Удержать себѣ мое добро.
Ты прибѣгъ къ хитрости противъ обагрителя мечей.
Ты долженъ знать, что я зовусь —
И здѣсь вижу случай поддержать это имя —
Змiинымъ Языкомъ. Съ юныхъ лѣтъ
Это имя дано мнѣ кое-за что.

держитъ. Гюнлёйгъ показываетъ ему и машетъ, а самъ укрѣпилъ петлю на рукояткѣ меча, подареннаго конунгомъ, и натягиваетъ ее себѣ на руку. Берсеркръ[1]) сказалъ, когда онъ увидѣлъ мечъ: «Не боюсь я этого меча», говоритъ онъ, и ударилъ въ Гюнлёйга своимъ мечемъ и вышибъ у него чуть не весь щитъ. Гюнлёйгъ ударилъ тотчасъ же подаркомъ конунга, а берсеркръ стоялъ безоружнымъ и думалъ, что у противника все тоже оружіе, какое онъ показывалъ: но Гюнлёйгъ тутъ-же нанесъ ему смертельный ударъ. Конунгъ поблагодарилъ его за это дѣло, и пріобрѣлъ онъ этимъ самымъ большую славу въ Англіи и далеко кругомъ въ другихъ мѣстахъ. Весной, когда ходили корабли между странами, тогда попросилъ Гюнлёйгъ у конунга Этельреда позволенія пуститься кое куда въ плаваніе. Конунгъ спрашиваетъ, что̀ онъ теперь хочетъ предпринять. Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Я хочу выполнить то, что я задумалъ», и произнесъ такой стихъ:

Мнѣ предстоитъ еще посѣтить
Жилища трехъ конунговъ и двухъ ярлей:
Такъ обѣщалъ я владѣтелямъ земель.
Я не вернусь назадъ, пока, наслѣдникъ
Конунговъ, дарующихъ богатство,
Ты не призовешь меня для битвы.
Даришь ты, конунгъ, за мѣсто рукава
Червонное золото[2]) (ложе змѣи).

«Пусть такъ и будетъ, скальдъ», говоритъ конунгъ и далъ ему золотое кольцо, вѣсившее шесть эръ[3]).

8. Затѣмъ плыветъ Гюнлёйгъ изъ Англіи съ купцами на Сѣверъ къ Дублину. Тогда правилъ Ирландіей Сигтрюгъ конунгъ Шелковая Борода, сынъ Олава Кваранса и королевы Корм-

---

[1]) Вѣроятно — воинъ въ медвѣжьемъ мѣху («Медвѣжья Рубашка»). Онъ притупляетъ мечи, сколько можно видѣть, ворожбой, «глазомъ».

[2]) Т. е. золотые браслеты.

[3]) «Эра» въ деньгахъ или по вѣсу равна $^1/_8$ марки.

лёды; онъ только что недавно сталъ править государствомъ. Гюнлёйгъ пошелъ къ конунгу и сказалъ ему привѣтствіе складно и почтительно. Конунгъ принялъ его честь честью. Гюнлёйгъ сказалъ: «Я сложилъ о Васъ стихъ и хотѣлось мнѣ снискать вниманіе для него». Конунгъ отвѣчаетъ: «До сихъ поръ люди еще никогда не дѣлали этого, чтобы произносить въ честь меня стихи, и конечно буду я слушать внимательно». Гюнлёйгъ произнесъ тогда драупу [1]), и былъ такой припѣвъ:

Кормитъ Сигтрюгъ
Волка трупами [2]),

И это было еще тамъ:

Я знаю толкомъ,
Какой отпрыскъ конунговъ
Хочу я славить:
Онъ сынъ Кваранса.
Конунгъ не станетъ для меня
Скупиться на золотые кольца:
Онъ упражняется въ щедрости;
Это можетъ замѣтить поэтъ.
Пусть скажетъ мнѣ конунгъ,
Слышалъ-ли онъ въ свою честь
Болѣе прекрасное стихотвореніе.
Это складъ драупы.

Конунгъ поблагодарилъ его за стихъ и подозвалъ къ себѣ своего казначея и сказалъ такъ: «Какъ мнѣ наградить за стихъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «А какъ Вы хотите, государь?», говоритъ онъ. «Какова это будетъ награда», говоритъ конунгъ: «если я дамъ ему два торговыхъ судна?» Казначей отвѣчаетъ: «Слишкомъ это много, государь!», говоритъ онъ: «другіе ко-

[1]) Большой хвалебный стихъ съ припѣвомъ. Въ большихъ стихотвореніяхъ скальды размѣщали припѣвъ такъ, что по одной строчкѣ припѣва приходилось въ концѣ каждой строфы.

[2]) убитыхъ враговъ, т. е. истребляетъ непріятеля. Въ подлинникѣ волки обозначены, какъ «кони вѣдьмы, великанши».

нунги даютъ въ награду за поэзію хорошія украшенія, добрые мечи или добрыя кольца золотыя». Конунгъ далъ скальду свою новую пурпуровую одежду: парчевой кафтанъ и плащъ съ превосходными мѣхами и золотое кольцо вѣсомъ въ марку. Гюнлёйгъ поблагодарилъ его хорошо и пробылъ тамъ короткое время и поплылъ оттуда на Оркнейскіе Острова.

Тогда правилъ на Оркнейскихъ островахъ Сигюрдъ-ярль, сынъ Лёдви; онъ былъ хорошо расположенъ къ мужамъ Исландскимъ. Гюнлёйгъ привѣтствовалъ ярля честь-честью и сказалъ, что есть у него стихъ, чтобы произнесть передъ нимъ. Ярль сказалъ, что хочетъ послушать стихъ его, такъ какъ происходитъ онъ на Исландіи отъ такихъ выдающихся людей. Гюнлёйгъ произнесъ стихъ, и былъ это флоккъ [1]), хорошо сложенный. Ярль далъ ему широкій топоръ, весь выложенный серебромъ, какъ награду за поэзію, и просилъ его погостить у него. Гюнлёйгъ поблагодарилъ ярля за подарокъ, а также и за приглашеніе, но говоритъ, что долженъ плыть на Востокъ въ Швецію, и взошелъ затѣмъ на корабль съ тѣми купцами, что плыли въ Норвегію, и прибыли они около осени на Востокъ къ рѣкѣ Конунга [2]). Его родственникъ Торкель всегда слѣдовалъ за нимъ. Отъ устья рѣки Конунга взяли они проводника въ глубь Вестъ-Готланда и достигли того торговаго города, который звался «Въ Скарахъ». Тамъ стоялъ во главѣ тотъ ярль, что̀ звался Сигюрдомъ, и былъ онъ уже пожилой. Гюнлёйгъ пошелъ къ нему и привѣтствовалъ его хорошо и сказалъ, что сложилъ стихъ о немъ. Ярль сталъ слушать его со вниманіемъ. Гюнлёйгъ произнесъ стихъ, и былъ это флоккъ. Ярль поблагодарилъ его и наградилъ его хорошо и просилъ пробыть у него зиму. Сигюрдъ ярль созвалъ зимой большой Рождественскій пиръ. И въ Сочельникъ передъ Рождествомъ пришли туда посланные Эйрика ярля съ Сѣвера изъ Норвегіи, двѣнадцать мужей; они пріѣхали съ дарами къ Сигюрду ярлю. Ярль принялъ ихъ хорошо и указалъ имъ мѣста на время Рождества рядомъ

[1]) Небольшой стихъ безъ припѣва.

[2]) На Западъ отъ Готаэльфа.

съ Гюнлёйгомъ. Тамъ шла большая попойка. Готы[1]) говорили о томъ, что нѣтъ ярля могущественнѣе и знаменитѣе Сигюрда. Норвежцамъ Эйрикъ ярль казался гораздо выше. И объ этомъ спорили они, и выбрали Гюнлёйга обѣ стороны въ третейскіе судьи по этому вопросу. Гюнлёйгъ сказалъ тогда такой стихъ:

Говорите-же о вашемъ ярлѣ,
Готы, мужи битвы!
Онъ видалъ бурный гребень волнъ,
Сѣдой онъ мужъ.
Эйрикъ, древо побѣды, видѣлъ
Самъ при сильномъ волненіи моря
Много синихъ валовъ на Востокѣ
Передъ своимъ конемъ волны (кораблемъ).

Обѣ стороны были довольны рѣшеніемъ, но больше Норвежцы. Посланные уѣхали оттуда послѣ Рождества съ дарами, которые Сигюрдъ ярль посылалъ Эйрику ярлю; передали они теперь Эйрику ярлю приговоръ Гюнлёйга. Ярлю казалось, что Гюнлёйгъ проявилъ относительно его прямодушіе и дружелюбность, и велѣлъ онъ пустить молву, что Гюнлёйгъ найдетъ мирный пріютъ въ его государствѣ. О томъ, что̀ сказалъ ярль, узналъ затѣмъ Гюнлёйгъ Сигюрдъ ярль далъ Гюнлёйгу проводника на Востокъ въ Тіундаландъ[2]) въ Швецію, о которомъ тотъ просилъ.

9. Въ то время правилъ въ Швеціи конунгъ шведскій Олавъ, сынъ конунга Эйрика Побѣдоноснаго и Сигриды Высокомудрой, дочери Скёгларъ-Тости; онъ былъ могущественный и знаменитый конунгъ, мужъ крайне гордый. Гюнлёйгъ пришелъ въ Упсалу весной около времени ихъ шведскаго тинга и, когда онъ свидѣлся съ конунгомъ, то сказалъ ему привѣтствіе. Тотъ принялъ его хорошо и спрашиваетъ, кто онъ будетъ. Гюнлёйгъ

[1]) Жители Южной Швеціи; теперь выговариваютъ: Ёты, Ёта-рике, Ёта-эльфъ, Ёталандъ, Ётеборгъ, и т. п.

[2]) Часть теперешней области Упландъ, гдѣ Упсала.

сказалъ о себѣ, что онъ мужъ съ Исландіи. Конунгъ сказалъ: «Шрапнъ!», говоритъ онъ: «изъ какихъ мужей будетъ Гюнлёйгъ на Исландіи?» Тутъ съ менѣе почетной скамьи поднялся мужъ рослый и бодрый, подошелъ къ конунгу и сказалъ: «Государь!» говоритъ онъ: «Гюнлёйгъ принадлежитъ къ лучшему роду и самый отважный мужъ». «Такъ пусть онъ идетъ и сядетъ рядомъ съ тобой», сказалъ конунгъ. Гюнлёйгъ молвилъ: «Есть у меня стихъ для Васъ», говоритъ онъ: «и хотѣлось-бы мнѣ, чтобы Вы послушали его и удѣлили ему вниманіе». «Идите сначала и садитесь», сказалъ конунгъ: «нѣтъ теперь времени сидѣть надъ вашими стихами». Они такъ и сдѣлали.

Разговорились тогда между собой Гюнлёйгъ и Шрапнъ; каждый разсказывалъ другому о своихъ странствіяхъ. Шрапнъ говорилъ, что прежде поѣхалъ онъ лѣтомъ съ Исландіи въ Норвегію и въ началѣ зимы на Востокъ въ Швецію. Тутъ быстро установилась между ними пріязнь. И однажды когда миновалъ тингъ, были они оба, Гюнлёйгъ и Шрапнъ, передъ конунгомъ. Тогда молвилъ Гюнлёйгъ: «хотѣлось бы мнѣ теперь, государь», говоритъ онъ, «чтобы выслушали Вы мой стихъ».— «Теперь это можно», говоритъ конунгъ. «Хочу теперь и я произнести мой стихъ, государь», говоритъ Шрапнъ. «Хорошо, пусть будетъ такъ», говоритъ конунгъ. «Въ такомъ случаѣ хочу я раньше произнести мой стихъ, государь», говоритъ Гюнлёйгъ: «если Вы дозволите».—«Я долженъ произнести прежде, государь», говоритъ Шрапнъ: «потому что я раньше пришелъ къ Вамъ». Гюнлёйгъ сказалъ: «Гдѣ сходились отцы наши когда либо такъ, чтобы мой отецъ былъ позади твоего отца? гдѣ, какъ не вовсе нигдѣ? Такъ будетъ и между нами». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Будемъ же вѣжливы», говоритъ онъ: «и не станемъ доводить дѣло до спора, а предоставимъ рѣшить его королю». «Конунгъ сказалъ: «Пусть Гюнлёйгъ произнесетъ раньше, потому что ему будетъ очень не по нраву, если онъ не настоитъ на своемъ». Тогда произнесъ Гюнлёйгъ драупу, которую онъ сложилъ о конунгѣ Олавѣ, и, когда кончилась драупа, тогда сказалъ конунгъ: «Шрапнъ», молвитъ онъ, «какъ сложенъ стихъ»? — «Хорошо, государь», сказалъ тотъ: «это вы-

сокопарный стихъ, но неизящный и нѣсколько шероховатый, какъ и самъ Гюнлейгъ по своему нраву». — «Ну, теперь долженъ ты прочесть твой стихъ, Шрапнъ», говоритъ конунгъ. Онъ такъ и дѣлаетъ. И когда кончился стихъ, тогда молвилъ конунгъ: «Гюнлейгъ», говоритъ онъ: «каково сложенъ этотъ стихъ?» Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Хорошо, государь», говоритъ онъ: «это стихъ красивый, какъ и самъ Шрапнъ на видъ, да только пустой. Ну, а зачѣмъ сложилъ ты флоккъ въ честь короля», говоритъ онъ: «или показался онъ тебѣ недостойнымъ драупы?» Шрапнъ отвѣчаетъ: «Не будемъ теперь больше объ этомъ говорить; мы еще вернемся къ этому, хотя бы и позже», молвилъ онъ; и на томъ теперь они и разстались. Немного спустя сдѣлался Шрапнъ дружинникомъ Олава конунга и попросилъ у него позволенія уѣхать; конунгъ позволилъ ему это. И когда Шрапнъ былъ готовъ къ отъѣзду, тогда молвилъ онъ Гюнлейгу: «Конецъ будетъ теперь нашей дружбѣ, потому что хотѣлъ ты меня унизить здѣсь передъ вождями; ну, я еще когда нибудь не меньше осрамлю тебя, чѣмъ ты пытался меня здѣсь». Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Не огорчаютъ меня твои угрозы», говоритъ онъ: «и никогда мы съ тобой не дойдемъ до того, что бы я былъ въ меньшей чести, чѣмъ ты». Олавъ конунгъ далъ Шрапну хорошіе подарки, и уѣхалъ онъ послѣ того прочь.

Шрапнъ уѣхалъ съ Востока весной и достигъ Троньемскаго фіорда и снарядилъ свой корабль и поплылъ лѣтомъ на Исландію и присталъ съ своимъ кораблемъ въ Лейрской бухтѣ[1]) у «Луговины» (Мосфельской) и обрадовались ему родные и друзья и жилъ онъ дома эту зиму со своимъ отцемъ. И лѣтомъ на альтингѣ встрѣтились родственники—Скапти Законотолкователь и скальдъ Шрапнъ. Тогда сказалъ Шрапнъ «Твоимъ заступничествомъ хотѣлъ я заручиться передъ Торстейномъ, сыномъ Эгиля, для сватовства, чтобы просить руки Эльги, его дочери». Скапти отвѣчаетъ: «Развѣ она уже не наре-

[1]) Заливъ Факсафіорда.

ченная Гюнлёйга Змiинаго Языка?» Шрапнъ отвѣчаетъ: «Развѣ не прошелъ уже назначенный срокъ?», говоритъ онъ: «чтó былъ условленъ между ними? Къ тому-же слишкомъ велико его своенравiе, чтобы сталъ онъ теперь объ этомъ заботиться или обращать вниманiе». Скапти отвѣчаетъ: «Будь по твоему». Затѣмъ пошли они со многими мужами къ палаткѣ Торстейна, сына Эгиля; онъ принялъ ихъ хорошо. Скапти молвилъ: «Шрапнъ, родственникъ мой, хочетъ просить руки Эльги, дочери твоей, и извѣстны тебѣ его родъ и богатство имуществомъ и мужественный нравъ, большое число родныхъ и друзей». Торстейнъ отвѣчаетъ: «Она уже нареченная Гюнлёйга, и хочу я сдержать всѣ обѣщанiя передъ нимъ, что были ему даны». Скапти молвилъ: «Развѣ не прошли теперь три зимы, которыя были условлены между вами?»—«Да», сказалъ Торстейнъ: «но не прошло еще лѣто, и можетъ онъ еще явиться лѣтомъ». Скапти отвѣчаетъ: «А если онъ не прiѣдетъ въ теченiе лѣта, на что можемъ надѣяться съ нашимъ дѣломъ?» Торстейнъ отвѣчаетъ: «Сюда прiйдемъ мы на слѣдующее лѣто, и будетъ тогда видно, чтó окажется наиболѣе разумнымъ. Но не стоитъ теперь говорить объ этомъ далѣе на этотъ разъ». И на томъ разстались они, и поѣхали мужи домой съ тинга. Не остался этотъ разговоръ тайной, что Шрапнъ просилъ руки Эльги. Не вернулся Гюнлёйгъ на Исландiю этимъ лѣтомъ. И на слѣдующее лѣто на альтингѣ Скапти и Шрапнъ повели сватовство усердно: говорили, что Торстейнъ свободенъ теперь отъ всякаго обѣщанiя передъ Гюнлёйгомъ. Торстейнъ отвѣчаетъ: «У меня мало дочерей на попеченiи, и хотѣлъ бы я очень, чтобы никому не стали они поводомъ къ ссорѣ; вотъ я и хочу сначала отыскать Иллуги Чернаго»; и такъ сдѣлалъ онъ. И когда они встрѣтились, тогда молвилъ Торстейнъ: «Не думаешь ли ты, что я теперь свободенъ отъ всѣхъ обѣщанiй передъ Гюнлёйгомъ, сыномъ твоимъ?» Иллуги молвилъ: «Конечно такъ», говоритъ онъ: «если ты хочешь; я мало что могу прибавить теперь, такъ какъ я не знаю въ точности обстоятельствъ Гюнлёйга, моего сына». Торстейнъ пошелъ тогда въ Скапти, и сговорились они такъ, что свадьба должна быть

около зимнихъ ночей [1]) въ Боргѣ, если Гюнлейгъ не вернется на Исландію этимъ лѣтомъ, но что Торстейнъ будетъ свободенъ отъ своего слова передъ Шрапномъ, если бы Гюнлейгъ явился и сталъ добиваться выполненія обѣта. Послѣ этого поѣхали мужи домой съ тинга, и затянулось возвращеніе Гюнлейга; но Эльга относилась враждебно къ свадьбѣ,

10. Теперь надо сказать о Гюнлейгѣ, что онъ уѣхалъ изъ Швеціи тѣмъ лѣтомъ, когда Шрапнъ поплылъ на Исландію. и получилъ тогда богатые дары отъ Олава конунга на прощаніи. Этельредъ конунгъ встрѣтилъ Гюнлейга очень хорошо, и пробылъ онъ у него зиму въ добромъ почетѣ. Въ то время правилъ Даніей Кнутъ Могущественный, сынъ Свейна [2]), и только что вступилъ во владѣніе наслѣдіемъ отца и грозилъ все предпринять набѣгъ на Англію, вслѣдствіе того, что Свейнъ конунгъ, отецъ его, завоевалъ большое государство въ Англіи, прежде чѣмъ онъ умеръ тамъ на Западѣ. И въ это время было большое войско датскихъ мужей тамъ на Западѣ, и стоялъ во главѣ вождь, который назывался Эмингъ, сынъ Струтгаральда ярля и братъ ярля Сигвальда, и владѣлъ онъ въ зависимости отъ Кнута конунга тѣмъ государствомъ, которое завоевалъ раньше Свейнъ конунгъ. Весной попросилъ Гюнлейгъ позволенія у короля уѣхать. Тотъ отвѣчаетъ: «Не подобаетъ тебѣ уѣзжать теперь прочь отъ меня, когда дѣло идетъ здѣсь въ Англіи къ такой войнѣ, такъ какъ ты мой дружинникъ». Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Ваша воля, государь, но дайте мнѣ позволеніе уѣхать на слѣдующее лѣто прочь, если Даны не явятся». Конунгъ отвѣчаетъ: «Посмотримъ мы тогда». Вотъ миновало это лѣто и затѣмъ зима, и Даны не пришли. И во вторую половину лѣта получилъ Гюнлейгъ позволеніе отъ конунга уѣхать, и поплылъ оттуда Гюнлейгъ на Востокъ въ Норвегію и отыскалъ Эйрика ярля близъ Троньемскаго ѳіорда въ Ладахъ,

---

[1]) Ночь 14 октября была на Исландіи «первой зимней» ночью.

[2]) Сообразно всей остальной хронологіи Саги, въ Даніи въ это время могъ править только самъ Свейнъ Раздвоенная Борода († 1014), а не его сынъ Кнутъ.

и принялъ ярль его тогда хорошо и просилъ его погостить у него. Гюнлейгъ благодаритъ ярля за приглашеніе и говоритъ, что все таки хочетъ раньше плыть на Исландію повидаться съ своей невѣстой. Ярль молвилъ: «Теперь всѣ коробли уже ушли, которые снаряжались на Исландію». Тутъ молвилъ одинъ дружинникъ: «Альфредъ, скальдъ Затруднитель [1]) стоялъ еще вчера дальше къ выходу изъ фіорда у мыса Агданесъ». Ярль отвѣчаетъ: «Это можетъ быть», говоритъ онъ: «отплылъ онъ отсюда пять ночей тому назадъ». Эйрикъ ярль велѣлъ тогда доставить Гюнлейга къ устью фіорда къ Альфреду, и принялъ тотъ его съ радостью; и тотчасъ подулъ попутный вѣтеръ отъ берега, и были они очень веселы. Это было позднимъ лѣтомъ. Альфредъ молвилъ Гюнлейгу: «Слышалъ-ли ты про сватовство Шрапна, сына Энюнда, за Эльгу Красавицу?» Гюнлейгъ говоритъ, что слышалъ, но только не ясно. Альфредъ разсказываетъ ему все, что зналъ объ этомъ, а заодно ужъ и то, что многіе мужи говорили, будто-бы Шрапнъ не менѣе отваженъ, чѣмъ Гюнлейгъ. Гюнлейгъ произнесъ тогда стихъ:

Теперь легкая погода,
Но я не обращу вниманія,
Хотя бы бурно игралъ эту недѣлю Восточный вѣтеръ
Вокругъ корабля, огибающаго мысъ;
Ибо, мужъ, расточающій золото,
Я не столько боюсь не дожить до сѣдинъ,
Сколько того, что меня не удостоятъ назвать
Равнымъ по отвагѣ Шрапну.

Альфредъ сказалъ тогда: «Желательно было бы, товарищъ, что бы дѣло съ Шрапномъ сошло тебѣ лучше съ рукъ, чѣмъ мнѣ;

---

[1]) Въ 996 году исландскій скальдъ Альфредъ (Hallfredh) встрѣтился съ Олавомъ Трюгвасономъ и, по его требованію, принялъ христіанство подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Олавъ сталъ его крестнымъ отцемъ и покровителемъ. Позднѣе Альфредъ принудилъ конунга выслушать его флоккъ, грозя иначе отречься отъ ученія христіанскаго. Тогда то Олавъ и назвалъ его Vandraedhaskåld, Скальдомъ Затруднителемъ, т. е. ставящимъ въ затруднительныя положенія.

я пришелъ съ моимъ кораблемъ въ Лейрскую бухту передъ «Луговиной» (Мосфельской) немного зимъ тому назадъ и долженъ бы былъ я заплатить полмарки серебра слугѣ Шрапна, и задерживалъ я деньги; но Шрапнъ наѣхалъ на насъ съ 60 мужами и перерубилъ канаты и потащилъ корабль на песчаный берегъ и чуть не дошло до гибели корабля и долженъ былъ я отдать дѣло Шрапну на самосудъ и заплатилъ я уже марку; таково-то было мое дѣло, которое я могу разсказать про него». И затѣмъ говорили они по душѣ объ Эльгѣ и хвалилъ онъ очень ея красоту. Гюнлёйгъ произнесъ тогда такой стихъ:

Мечетъ молнію въ буряхъ Одина.
Безупречный боецъ [1]; но его
Не полюбитъ Красавица Эльга,
Разодѣтая въ лёнъ, какъ земля.
Ибо въ юные дни
Я игралъ вмѣстѣ съ ней
Ея правой и лѣвой рукой,
Выступавшей, какъ мысъ отъ земли,
Сквозь браслетъ золотой [2].

«Это хорошо сказано», говоритъ Альфредъ. Они пристали къ берегу на Сѣверѣ на «Лисьей Равнинѣ» [3], у пристани Рёйнъ

---

[1]) Шрапнъ потрясаетъ мечемъ въ битвахъ.

[2]) Въ подлинникѣ неясность. М. б. рѣчь идетъ просто о ласкѣ (какъ предполагаетъ Виммеръ), м. б. о какой нибудь игрѣ. Ближе къ подлиннику будетъ такой переводъ:

Не удастся безупречному воину,
Потрясающему молніей въ бурѣ Одина (мечемъ въ битвѣ),
Расположить къ себѣ дѣвушку,
Одѣтую, какъ земля, въ ленъ.
Ибо, когда мы были молоды,
Я игралъ попеременно обѣими ея руками,
Выступавшими изъ подъ браслетовъ,
Какъ мысы отъ земли, богатой золотомъ.

[3]) Сѣверовосточный выступъ Исландіи Melrakkaslétta.

за полмѣсяца до начала зимы и выложили тамъ товары. Тоурдъ звали мужа; онъ былъ сыномъ крестьянина-собственника тамъ же на «Равнинѣ». Онъ пошелъ бороться съ купцами, и пришлось имъ плохо отъ него. Тогда удалось устроить борьбу въ обхватъ между нимъ и Гюнлѣйгомъ. И ночью передъ тѣмъ взывалъ Тоурдъ къ богу Тору о побѣдѣ себѣ, а днемъ, когда они встрѣтились, принялись они бороться; тогда подкосилъ Гюнлѣйгъ ударомъ (ноги) обѣ ноги Тоурду, и упалъ тотъ тяжко; но и у Гюнлѣйга одна нога вывихнулась изъ сустава, та, на которой онъ стоялъ, и упалъ Гюнлѣйгъ тутъ заодно съ Тоурдомъ. Тогда молвилъ Тоурдъ: «Можетъ быть», говоритъ онъ: «что тебѣ другое то дѣло удастся не лучше».—«Какъ такъ?» говоритъ Гюнлѣйгъ:—«Дѣло съ Шрапномъ, когда возьметъ онъ замужъ Эльгу Красавицу около зимнихъ ночей; былъ я лѣтомъ тутъ же на альтингѣ, когда это рѣшилось». Гюнлѣйгъ ничего не отвѣчаетъ. Тогда вправили ему ногу въ суставъ и забинтовали, и она сильно опухла. Они съ Альфредомъ поѣхали самъ двѣнадцать мужей и прибыли къ Югу на хуторъ Гильсбакки въ Боргскомъ фіордѣ въ тотъ субботній вечеръ, когда въ Боргѣ сидѣли за свадьбой. Иллуги обрадовался Гюнлѣйгу, своему сыну, и его спутникамъ. Гюнлѣйгъ сказалъ тогда, что тотчасъ-же хочетъ ѣхать внизъ въ Боргъ. Иллуги сказалъ, что это не совѣтъ, и такъ казалось всѣмъ, кромѣ Гюнлѣйга; но Гюнлѣйгъ былъ тогда неспособенъ къ пути вслѣдствіе своей ноги, хотя онъ и не показывалъ виду, а потому изъ поѣздки ничего и не вышло. Альфредъ на утро уѣхалъ домой на хуторъ Редюватнъ въ Долинѣ Сѣверной Рѣки[1]); тамъ управлялъ ихъ собственностью Гальти, его братъ, и былъ онъ мужъ предпріимчивый.

11. Теперь надо сказать о Шрапнѣ, что сидѣлъ онъ за свадьбой своей въ Боргѣ, и таковъ разсказъ очень многихъ мужей, что была невѣста довольно грустна; правда это, какъ сказано,

---

[1]) Большая рѣка, впадающая съ Сѣвера въ «Бѣлую Рѣку» прежде ея выхода въ Боргскій фіордъ.

что до старости не забудется, что съ молоду узнается [1]), и было съ ней теперь такъ же. Случилось неожиданно тамъ на пиру, что посватался за Унгерду, дочь Тоуродда, и Іоуфриды, мужъ, который звался Свертингомъ и былъ внукомъ Мольда-Гнупа, и должны были они справить свадьбу послѣ Рождества «на верху» на хуторѣ Скаунэ [2]). Тамъ жилъ Торкель, родственникъ Унгерды, сынъ Торфи; матерью Торфи была сестра Тюнгю-Одда. Шрапнъ поѣхалъ домой въ Мосфель съ Эльгой, женой своей; и когда пробыли они тамъ короткое время, то случилось однажды утромъ, прежде чѣмъ они встали, что Эльга проснулась, а Шрапнъ спалъ, и былъ онъ неспокоенъ во снѣ. И когда онъ проснулся, спрашиваетъ Эльга, что ему снилось. Шрапнъ произнесъ тогда стихъ:

О женщина, островъ золота!
Мнѣ снилось, будто я раненный
Покоюсь у тебя въ объятіяхъ,
Будто ложе твое обагрилось моей кровью,
А ты, богиня, разливающая пиво,
Не хотѣла болѣе перевязать раны воину;
Не даетъ это утѣшенія Шрапну,
О стройная хозяйка очага [3]).

Эльга молвила: «Объ этомъ я никогда не стала-бы плакать», говоритъ она: «и злостно вы меня обманули, и вернется Гюнлёйгъ на Исландію»; и плакала тутъ Эльга горько. И немного спустя стало извѣстнымъ возвращеніе Гюнлёйга. Эльга сдѣлалась тогда такой строптивой съ Шрапномъ, что онъ не могъ уживаться съ ней у себя дома, и поѣхали они тогда до-

---

[1]) Пословица.

[2]) «Внизу» значитъ ближе къ морю, на берегу; «вверху» — глубже внутрь страны, у горъ. Скаунэ—тоже по Боргскому фіорду.

[3]) Въ подлинникѣ двойная метафора: «луковая липа». Липа, вообще дерево метафорически употребляется въ смыслѣ «женщина»; лукъ,—луковая похлебка — символъ кухни, домашняго хозяйства.

мой назадъ въ Боргъ, и мало было отрады Шрапну отъ ея общества. Вотъ стали мужи зимой собираться на званый пиръ. Торвель изъ Скаунэ пригласилъ Иллуги Чернаго и его сыновей. И когда Иллуги крестьянинъ собирался, то Гюнлёйгъ сидѣлъ въ комнатѣ и не снаряжался. Иллуги подошелъ къ нему и сказалъ: «Отчего ты не снаряжаешься, сынъ?» Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Я не думаю ѣхать». Иллуги молвилъ: «Ѣхать долженъ ты, конечно, сынъ!» говоритъ онъ: «и не напускай ты этого на себя, чтобы тосковать всё по одной женщинѣ, и веди себя, какъ будто ты и не знаешь, и никогда не будетъ для тебя недостатка въ невѣстахъ!» Гюнлёйгъ сдѣлалъ, какъ говорилъ его отецъ, и пришли они на пиръ и указали имъ, Иллуги и его сыну, мѣста на почётномъ возвышеніи, а Торстейну, сыну Эгиля, и Шрапну, зятю его, и поѣзжанамъ жениха—на другомъ возвышеніи напротивъ Иллуги. Женщины сидѣли на скамьѣ (противъ входа), и сидѣла Эльга Красавица рядомъ съ невѣстой и поводила часто глазами на Гюнлёйга, и идетъ тамъ все такъ, какъ сказано[1]), что не скроютъ глаза, если женщина привязана къ мущинѣ. Гюнлёйгъ былъ тогда хорошо одѣтъ, и были на немъ одежды, которыя подарилъ ему Сигтрюгъ конунгъ, и казался онъ тогда, куда выше другихъ мужей во многихъ отношеніяхъ—и ростомъ, и силой, и красотой. Не очень весело было мужамъ на пиру. И въ тотъ день, когда стали мужи готовиться въ путь, тогда зашевелились и женщины и снаряжались домой. Гюнлёйгъ завелъ тогда рѣчь съ Эльгой, и разговаривали они долго, и тутъ произнесъ Гюнлёйгъ стихъ:

Не было у Змiинаго Языка
Ни единаго отраднаго дня подъ кровомъ горъ
Съ тѣхъ поръ, какъ Красавица Эльга
Получила имя жены Шрапна.
Мало остерегался бѣлокурый воинъ,
Закаленный въ буряхъ мечей, отецъ дѣвы,

---

[1]) Пословица.

Моего языка: молодая богиня
Продана была за богатство.

И еще сказалъ онъ:

Дорогая богиня вина!
За самое худшее приходится мнѣ
Воздавать твоему отцу и матери;
Ибо подъ брачнымъ покровомъ
Создали они Красавицу Эльгу, богиню шитья:
Женщина, украшенная золотомъ
(Какъ земля пламенемъ рѣкъ),
Отнимаетъ теперь жизнерадость у скальда.
Здѣсь прійми отъ меня вотъ это произведеніе
мущины и женщины!

И тутъ подалъ Гюнлёйгъ Эльгѣ плащъ, подарокъ Этельреда, и была это самая большая драгоцѣнность. Очень благодарила она его за подарокъ. Потомъ вышелъ Гюнлёйгъ наружу а тутъ приведены были уже лошади, и начали сѣдлать ихъ, и много было красивыхъ коней, и были они привязаны на мощеномъ дворѣ дома. Гюнлёйгъ вскочилъ на одного коня, и поскакалъ во весь опоръ вокругъ усадьбы и прямо туда, гдѣ стоялъ Шрапнъ, и долженъ былъ Шрапнъ отступить. Гюнлёйгъ молвилъ: «Нечего Шрапнъ отступать назадъ», говоритъ онъ: «потому что ничѣмъ не угрожаю я тебѣ на этотъ разъ; но ты знаешь, чтò ты заслужилъ».

Шрапнъ отвѣчаетъ и произнесъ стихъ:

О Воинъ, богъ меча,
Дарующій славу Валькиріи [1]).
Не слѣдуетъ намъ ссориться
Изъ за женщины, богини платья.
Древо битвы! (воинъ!) Очень много такихъ-же

[1]) Богиня битвы.

Хорошихъ женщинъ на Югѣ за моремъ.
Я, кормчій морского коня (корабля),
Знаю это навѣрное.

Гюнлейгъ отвѣчаетъ: «Можетъ быть», говоритъ онъ: «что много есть, да вотъ не такъ онѣ мнѣ по душѣ». Тутъ выбѣжали къ нимъ Иллуги и Торстейнъ и не хотѣли, чтобы они схватились. Тогда сказалъ Гюнлейгъ стихъ:

Прекраснолицая богиня браслета
Отдана была Шрапну изъ-за богатства,
(— Говорятъ люди, будто онъ мнѣ ровня
И что не хуже меня!)
Пока доблестный Этельредъ задерживалъ
Мой отъѣздъ съ Востока, ожидая войны.
Потому-то я, расточающій ожерелья
Воинъ, и сталъ молчаливѣе.

И послѣ этого поѣхали родственники обѣихъ соперниковъ домой, и стало все тихо и не было зимой ничего новаго. Но не было Шрапну затѣмъ радости отъ жизни съ Эльгой, съ тѣхъ поръ какъ она встрѣтилась съ Гюнлейгомъ.

И лѣтомъ поѣхали мужи со множествомъ провожатыхъ (зависимыхъ людей) на тингъ: Иллуги Черный и сыновья его съ нимъ, Гюнлейгъ да Эрмюндъ; Торстейнъ, сынъ Эгиля, и Кольсвейнъ, его сынъ; Энюндъ изъ Мосфеля и всѣ его сыновья; Свертингъ, сынъ Афръ-Бьёрна. Скапти имѣлъ еще тогда обязанность законотолкователя. И однажды на тингѣ, когда мужи со множествомъ провожатыхъ пошли на «гору закона» [1]) и кончился разборъ тяжбъ, тогда попросилъ Гюнлейгъ о вниманіи и молвилъ: «Здѣсь-ли Шрапнъ, сынъ Энюнда?» Тотъ сказалъ, что здѣсь. Гюнлейгъ Змѣиный Языкъ молвилъ тогда: «Это знаешь ты, что взялъ ты за-мужъ мою нареченную и впалъ ты во враждебность относительно меня; вотъ за то хочу я здѣсь

[1]) Мѣсто законотолкователя на Исландскомъ альтингѣ.

на тингѣ вызвать тебя на поединокъ на островѣ рѣки Эксъ [1]) черезъ три ночи времени». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Это добрый вызовъ, какъ и можно было ожидать отъ тебя», говоритъ онъ: «и я всегда готовъ на то, когда ты захочешь». Не понравилось это родственникамъ обоихъ противниковъ, но однако былъ такой законъ въ то время, чтобы вызывалъ на поединокъ, кто считалъ себя обиженнымъ другимъ. И когда миновали три ночи, снарядились они на поединокъ и послѣдовалъ Иллуги Черный за своимъ сыномъ на островъ со множествомъ провожатыхъ, а Скапти законотолкователь слѣдовалъ за Шрапномъ и отецъ его и другіе родные. И прежде чѣмъ Гюнлѣйгъ вышелъ на островъ, произнесъ онъ тогда такой стихъ:

Вотъ я готовъ прямо идти
На островъ всеобщаго собранія
Съ обнаженнымъ мечемъ—
Да пошлетъ богъ счастье скальду!
Я разрублю на двое кудрявое темя
Подъ шлемомъ возлюбленнаго Эльги;
Я отдѣлю голову негодяя
Блестящимъ мечемъ отъ туловища.

Шрапнъ отвѣчаетъ и сказалъ слѣдующее:

Ты еще не знаешь, поэтъ, кому изъ двоихъ скальдовъ
Достанется радость побѣды.
Вотъ мечи (серпы ранъ) обнажились,
Остріе готово рубить кость.
Прекрасная женщина, украшенная брошью,
Одинокой вдовой услышитъ отъ тинга
Объ этой неустрашимости свободнаго мужа,
Хотя бы мы и были оба ранены на смерть.

Эрмюндъ держалъ щитъ передъ Гюнлѣйгомъ, братомъ своимъ, а Свертингъ, сынъ Афръ-Бьёрна, передъ Шрапномъ. Тремя

---

[1]) Эксарау (Öxará), впадающая въ Olfussvatn близъ мѣста Альтинга.

марками серебра долженъ былъ выкупать себя отъ поединка тотъ, кто былъ-бы раненъ. Шрапнъ долженъ былъ первымъ нанести ударъ, потому что онъ былъ вызванъ, и ударилъ онъ въ верхнюю часть щита Гюнлёйга, и тотчасъ-же разлетѣлся мечъ ниже рукоятки, потому что ударъ былъ нанесенъ со слишкомъ большой силой. Остріе меча отскочило отъ щита и попало въ щёку Гюнлёйгу, и получилъ онъ таки порядочную рану. Тогда подбѣжали тотчасъ-же ихъ отцы и многіе другіе мужи и стали между ними. Тутъ молвилъ Гюнлёйгъ: «Теперь провозглашаю я, что Шрапнъ побѣжденъ, такъ какъ онъ безоруженъ». —«А я провозглашаю, что ты побѣжденъ», говоритъ Шрапнъ: «такъ какъ ты раненъ». Гюнлёйгъ разгорячился тутъ и очень разсердился и сказалъ, что испытаніе еще не кончилось. Иллуги отецъ его молвилъ, что на этотъ разъ нечего болѣе испытывать. Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Хотѣлось-бы мнѣ», говоритъ онъ: «чтобы мы двое съ Шрапномъ сошлись-бы въ другой разъ такъ, чтобы ты, отецъ, былъ далеко и не могъ разнять насъ». И на этомъ разстались они на этотъ разъ, и пошли мужи назадъ въ свои палатки. И на другой день на законодательномъ вѣчѣ возведено это было въ законъ, чтобы отнынѣ и на будущее время прекратить всякіе поединки, и было рѣшено это съ совѣта всѣхъ самыхъ умныхъ мужей, которые были при этомъ, а были тамъ всѣ тѣ мужи, которые считались самыми умными въ странѣ, и въ послѣдній разъ состоялся это на Исландіи поединокъ, когда сражались Шрапнъ и Гюнлёйгъ.

И однажды утромъ, когда братья Эрмюндъ и Гюнлёйгъ пошли къ Эксарау умываться, тогда подошло къ рѣкѣ съ другого берега много женщинъ, и была тамъ и Эльга Красавица въ этой толпѣ. Тогда молвилъ Эрмюндъ: «Видишь-ли ты Эльгу, дорогую тебѣ женщину, тутъ за рѣкой?» Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Вижу я её конечно»; и тогда сказалъ Гюнлёйгъ такой стихъ:

Выросла знатная женщина Эльга
На распрю сынамъ человѣческимъ.
Шрапнъ, древо битвы, сталъ виной тому.
Я до безумія желалъ владѣть дѣвушкой.

Теперь мало радости
Смотрѣть на красивую, какъ лебедь, Вальвирію
Съ золотыми кольцами на рукахъ:
У меня жжетъ въ черныхъ глазахъ.

Затѣмъ перешли они рѣчку, и разговаривали Эльга съ Гюнлёйгомъ нѣкоторое время. И когда братья пошли на Востокъ черезъ рѣчку, тогда стояла Эльга и долго смотрѣла въ слѣдъ Гюнлёйгу. Гюнлёйгъ оглянулся тогда назадъ за рѣку и сказалъ такой стихъ:

Острые, какъ у ястреба, глаза
Одѣтой въ лёнъ богини,
Варящей луковую похлёбку,
Сіяли мнѣ съ яснаго неба бровей (лба).
Но этотъ лучъ глазъ (луны вѣкъ)
Женщины, украшенной золотомъ,
Влечетъ затѣмъ несчастье
И для меня, и для самой богини колецъ. [1])

И когда все это минуло, поѣхали мужи домой съ вѣча, и жилъ Гюнлёйгъ дома на хуторѣ въ Гильсбаккѣ. И однажды утромъ, когда онъ проснулся, тогда были всѣ мужи на ногахъ, а онъ только лежалъ. Онъ спалъ въ нишѣ за скамьей. Тогда вошло въ горницу двѣнадцать мужей, всѣ въ полномъ вооруженіи, и пришелъ туда Шраппъ, сынъ Энюнда. Гюнлёйгъ вскочилъ тотчасъ-же и успѣлъ схватиться за свое оружіе. Тогда молвилъ Шраппъ: «Не будетъ никакой тебѣ опасности», говоритъ онъ: «но вотъ въ чёмъ дѣло мое тутъ, дабы ты его теперь услышалъ: ты вызвалъ меня на поединокъ лѣтомъ на альтингѣ, и казалось тебѣ, что былъ онъ неубѣдителенъ; ну, такъ хочу я

[1]) Метафорически женщина называется «богиней луковой похлёбки», какъ хозяйка у очага, и «богиней колецъ»—вслѣдствіе пристрастія къ золотымъ украшеніямъ. Это стихотвореніе приписывается другой сагой скальду Коурмаку.

тебѣ предложить, чтобы намъ обоимъ ѣхать лѣтомъ прочь съ Исландіи въ даль и сойтись на поединокъ въ Норвегіи; тамъ не будутъ родные наши стоять намъ поперекъ дороги». Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Говори-же всегда, какъ лучшій изъ молодцевъ, и пріиму я такія условія охотно, и можешь ты Шрапнъ», молвитъ онъ: «найти здѣсь такое угощеніе, какого захочешь». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Это славно предложено, но на этотъ разъ должны мы прежде всего ѣхать». И на томъ разстались они. Родные обоихъ противниковъ считали это большимъ несчастіемъ, но не могли они настоять на своемъ вслѣдствіе горячности тѣхъ самихъ; впрочемъ должно было случиться, какъ судьба указала.

12. Теперь надо сказать о Шрапнѣ, что онъ снарядилъ свой корабль въ Лейрскомъ заливѣ [1]) («Глинистомъ Заливѣ»). Называютъ двухъ мужей, которые поѣхали со Шрапномъ, сыновей сестры Энюнда, отца его; одинъ звался Гримъ, а другой Олавъ, и были оба значительные люди. Всей роднѣ Шрапна казалось это большой утратой, что онъ уѣзжалъ прочь; но самъ онъ говорилъ такъ: онъ, молъ, потому вызвалъ Гюнлёйга на поединокъ, что нѣтъ, молъ, ему больше никакой радости отъ Эльги, и одинъ изъ нихъ долженъ, молъ, пасть отъ руки другого. Затѣмъ поплылъ Шрапнъ въ море, когда подулъ попутный вѣтеръ, и пришли они съ своимъ кораблемъ въ Троньемскій фіордъ и пробылъ Шрапнъ тамъ зимнее время и не слыхалъ ничего о Гюнлёйгѣ за эту зиму и поджидалъ онъ тамъ Гюнлёйга втеченіе лѣта; и другую зиму пробылъ онъ въ области Троньемскаго фіорда въ мѣстечкѣ, которое называется Левангеръ.

Гюнлёйгъ Змiиный Языкъ отправился на корабль съ Альфредомъ Скальдомъ-Затруднителемъ на Сѣверѣ у «Равнины» [2]), и были они готовы въ путь очень поздно, и поплыли они въ море, какъ только подулъ попутный вѣтеръ, и пришли на Орк-

---

[1]) Leiruvâgr—«Глинистый заливъ».

[2]) «Лисья Равнина», Melrakkaslétta.

нейскіе Острова незадолго до зимы. Сигюрдъ ярль, сынъ Лёдви, правилъ тогда на островахъ, и поѣхалъ Гюнлёйгъ къ нему и пробылъ тамъ зиму, и чествовалъ его ярль хорошо. И весной собрался ярль въ походъ. Гюнлёйгъ снарядился ѣхать съ нимъ, и опустошали они лѣтомъ далеко кругомъ по Гебридскимъ Островамъ и фіордамъ Шотландіи и имѣли много битвъ, и оказывался Гюнлёйгъ самымъ храбрымъ и предпріимчивымъ молодцемъ и самымъ твердымъ мущиной всюду, куда они приходили. Сигюрдъ ярль вернулся рано лѣтомъ домой, а Гюнлёйгъ взошелъ тогда на корабль съ тѣми купцами, которые плыли въ Норвегію, и разстались они съ Сигюрдомъ ярлемъ въ большой дружбѣ. Гюнлёйгъ поѣхалъ на Сѣверъ въ Троньемскій фіордъ въ Лады на свиданіе съ Эйрикомъ ярлемъ, и принялъ ярль его хорошо и просилъ его погостить у него, и на это согласился тотъ. Слышалъ уже раньше ярль о распрѣ ихъ съ Шрапномъ, какъ дѣло было, и сказалъ Гюнлёйгу, что онъ запрещаетъ имъ сражаться здѣсь въ его государствѣ. Гюнлёйгъ сказалъ, что на то его воля, и пробылъ Гюнлёйгъ тамъ зиму, и былъ всегда молчаливъ. И весной однажды шелъ Гюнлёйгъ полемъ и Торкель родственникъ съ нимъ. Они отошли далеко отъ усадьбы; и вотъ на лугу передъ ними стояли кружкомъ мужи, а внутри круга было двое мужей вооруженныхъ, и бились они ради забавы; одного называли тамъ Шрапномъ, а другого Гюнлёйгомъ. Говорили тѣ, кто стоялъ подлѣ, что Исландцы бьются слабо и лѣнивы помнить свое слово Гюнлёйгъ замѣтилъ, что тутъ выходила глубокая насмѣшка и шло здѣсь сильное издѣвательство, и пошелъ Гюнлёйгъ прочь молчаливо. И немного спустя послѣ этого, говоритъ Гюнлёйгъ ярлю, не мирится, молъ, онъ больше съ тѣмъ, чтобы выносить ему насмѣшку и издѣвательство его дружинниковъ надъ ихъ ссорой съ Шрапномъ, и просилъ ярля дать ему проводниковъ въ Левангеръ. Ярлю было раньше сказано, что Шрапна нѣтъ болѣе въ Левангерѣ и что уѣхалъ онъ на Востокъ въ Швецію, и поэтому далъ онъ Гюнлёйгу позволеніе ѣхать и снабдилъ его въ путь двумя проводниками.

Вотъ ѣдетъ Гюнлёйгъ изъ Ладъ съ шестью мужами въ Левангеръ; и въ тотъ самый день, когда Гюнлёйгъ прибылъ туда вечеромъ, Шрапнъ уѣхалъ оттуда съ четырьмя мужами еще утромъ. Оттуда направился Гюнлёйгъ въ долину Верадаль [1]) и пріѣзжалъ всегда вечеромъ туда, гдѣ раньше былъ Шрапнъ ночью. Гюнлёйгъ ѣхалъ, пока онъ не достигъ самаго возвышеннаго посёлка въ долинѣ, который назывался «въ Сулѣ» и уѣхалъ оттуда Шрапнъ тѣмъ утромъ. Гюнлёйгъ не сталъ тогда прерывать путешествія и выѣхалъ оттуда ночью: и рано утромъ, въ красныхъ лучахъ солнца, тогда увидали они другъ друга. Шрапнъ доѣхалъ до того мѣста, гдѣ было два озера, и между озерами были плоскія равнины; это мѣсто называется «Равнинами Глейпни»; а въ одно изъ озеръ выступалъ небольшой мысъ, которому имя — «Мысъ Динги». Тамъ остановился Шрапнъ со спутниками на мысу и было ихъ всего пятеро; были тамъ со Шрапномъ родственники его, Гримъ и Олавъ. И когда они сошлись, тогда молвилъ Гюнлёйгъ: «Вотъ это хорошо, что мы встрѣтились». Шрапнъ сказалъ, что и онъ не станетъ этого хулить. «И выбирай теперь любое изъ двухъ», говоритъ Шрапнъ: «чтобы сражаться лишь намъ двоимъ, или всѣмъ, да только поровну съ каждой стороны». Гюнлёйгъ сказалъ, что будетъ доволенъ и тѣмъ и другимъ, какъ бы оно ни устроилось. Тогда заговорили родственники Шрапна — Гримъ и Олавъ: сказывали, что не хотятъ стоять подлѣ праздно, коли тѣ станутъ биться; тоже говорилъ и Торкель Черный, родичъ Гюнлёйга. Тогда молвилъ Гюнлёйгъ къ проводникамъ отъ ярля: «Сидите-же вы подлѣ и никому не помогайте и будете разсказывать потомъ о нашей встрѣчѣ»; и такъ сдѣлали тѣ.

Затѣмъ схватились они всѣ и бились храбро. Гримъ и Олавъ пошли двое противъ одного Гюнлёйга, и кончилась тѣмъ ихъ стычка, что убилъ онъ ихъ обоихъ, а самъ онъ не былъ ра-

[1]) Черезъ нея шла дорога изъ Троньема въ Швецію.

ненъ. О томъ свидѣтельствуетъ Тоурдъ, сынъ Кольбейна, въ стихѣ, который сложилъ онъ о Гюнлёйгѣ Змiиномъ Языкѣ:

Гюнлёйгъ повалилъ,
Прежде чѣмъ онъ добрался до Шрапна,
Тяжелымъ мечемъ Олава и Грима,
Неустрашимыхъ въ бурѣ Валькирiи.
Усталый, покрытый кровью,
Онъ сталъ смертью для трехъ смѣлыхъ людей.
Викингъ, богъ коня волнъ (корабля),
Повелѣвалъ паденiемъ мужей.

Тѣмъ временемъ бились между собой Шрапнъ и Торкель Черный, родичь Гюнлёйга, и палъ Торкель подъ ударомъ Шрапна и сложилъ тутъ голову; и пали подъ конецъ всѣ спутники ихъ, и тогда бились они вдвоемъ могучими ударами и съ сильнымъ натискомъ, съ которымъ каждый изъ нихъ напиралъ на другого, и нападали они постоянно съ жаромъ. У Гюнлёйга былъ тогда мечъ, подаренный Этельредомъ, и было это самое лучшее оружiе. Гюнлёйгъ нанесъ, наконецъ, Шрапну сильный ударъ мечемъ, низомъ по ногѣ; Шрапнъ все таки не упалъ, а отступилъ тогда къ одному пню и оперся на него обрубленной ногой. Тогда молвилъ Гюнлёйгъ: «Теперь ты негоденъ для битвы», говоритъ онъ: «и не хочу болѣе сражаться съ тобой, изувѣченнымъ человѣкомъ». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Такъ-то оно такъ», говоритъ онъ: «что тяжкая участь выпала на мою долю, а все таки сильно бы мнѣ еще помогло, если бы мнѣ удалось испить чего либо». Гюнлёйгъ отвѣчаетъ: «Не обмани же меня тогда», говоритъ онъ: «если я принесу тебѣ воды въ моемъ шлемѣ». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Не стану я тебя обманывать», говоритъ онъ. Затѣмъ пошелъ Гюнлёйгъ къ одному ручью и зачерпнулъ въ шлемъ и принесъ Шрапну; а тотъ потянулся на встрѣчу лѣвой рукой, а правой рукой ударилъ Гюнлёйга мечемъ по головѣ, и образовалась очень тяжелая рана. Тогда молвилъ Гюнлёйгъ: «Злостно обманулъ ты меня теперь и не по молодечески поступилъ ты, тогда какъ я вѣрилъ тебѣ». Шрапнъ отвѣчаетъ: «Правда твоя», говоритъ онъ:

«но нашло это на меня потому, что не могу я того стерпѣть, что обнимешь ты Эльгу Красавицу». И тогда бились они еще съ рвеніемъ; но тѣмъ кончилось напослѣдокъ, что Гюнлейгъ одолѣлъ Шрапна, и сложилъ Шрапнъ тутъ голову свою. Тогда выступили впередъ проводники отъ ярля и перевязали Гюнлейгу рану на головѣ; онъ сидѣлъ тѣмъ временемъ и произнесъ тутъ такой стихъ:

Шрапнъ, славное древо битвы,
Воинъ, вызывающій бурю мечей,
Шелъ всегда смѣло противъ насъ
Въ бряцаніи острыхъ мечей.
Воинъ, украшенный кольцами!
Здѣсь утромъ надъ Гюнлейгомъ
Сильно носились мечи
На твердомъ Динганесѣ. [1])

Затѣмъ отдали проводники послѣдній долгъ павшимъ воинамъ и послѣ этого посадили Гюнлейга на его лошадь и достигли съ нимъ до самаго берега Левангера. И тамъ лежалъ онъ три ночи и получилъ всякое напутствіе отъ священника и испустилъ затѣмъ духъ и былъ тамъ преданъ землѣ у церкви. Всѣ испытывали великую жалость о нихъ обоихъ, Гюнлейгѣ и Шрапнѣ, по причинѣ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произошла ихъ смерть.

13. И лѣтомъ, прежде чѣмъ вѣсть объ этихъ событіяхъ дошла сюда до Исландіи, тогда видѣлъ Иллуги Черный сонъ, и былъ онъ тогда дома на хуторѣ въ Гильсбаккѣ: представилось ему во снѣ, будто-бы Гюнлейгъ приходитъ къ нему, и былъ онъ сильно окровавленъ и произнесъ такой стихъ передъ нимъ во снѣ. (Иллуги помнилъ стихъ, когда онъ проснулся, и сказывалъ его затѣмъ передъ другими).

[1]) Мысъ Динги.

Я зналъ это. Шрапнъ (—Мое острое лезвее
Пришлось по ногамъ Шрапну—) ударилъ меня мечемъ,
У котораго рукоятка украшена, словно плавниками,
И который, какъ рыба, съ плёскомъ упалъ на кольчугу,
Тогда, когда клюющему трупы орлу (ворону),
Досталось уже вкушать отъ болота тёплыхъ ранъ (крови)·
Боевая палица Вильвиріи (мечъ)
Разсѣкла голову Гюнлёйгу.

Это происшествіе случилось на Югѣ въ Мосфеллѣ въ ту самую ночь, когда Энюнду снилось, что пришелъ будто-бы къ нему Шрапнъ и былъ весь въ крови; онъ сказалъ такой стихъ:

Мечъ обагрился, а богъ меча—
Гюнлёйгъ тяжко ранилъ меня мечемъ [1]).
Чудовища, сокрушающія щиты (т. е мечи),
Подвергались за моремъ испытанію о края щитовъ.
Я думаю, что окровавленные гуси крови (вóроны)
Стояли въ крови надъ моей головой.
Жаднымъ до ранъ хищникамъ (вóронамъ)
Пришлось еще тяжко ступать въ потокѣ ранъ (въ крови).

И затѣмъ на слѣдующее лѣто на альтингѣ молвилъ Иллуги Черный Энюнду у «горы закона»: «Какой выкупъ заплатишь ты мнѣ за сына моего», сказалъ онъ: «такъ какъ вѣдь Шрапнъ, сынъ твой, обманулъ его на довѣріи?» Энюндъ отвѣчаетъ: «Отнюдь не считаю я себя обязаннымъ къ тому», сказалъ онъ: «платить за него выкупъ, если самъ я понесъ такое горе отъ битвы ихъ; не стану и я просить съ тебя никакого выкупа за моего сына». Иллуги отвѣчаетъ: «Ну, такъ почувствуетъ это неожиданно кто либо изъ семьи твоей или родичей». И лѣтомъ послѣ вѣча былъ Иллуги всегда глубоко печаленъ.

---

[1]) Многократное повтореніе одного и того-же слова дѣлалось иногда ради эффекта.

Разсказывали по осени, что Иллуги поѣхалъ изъ дому съ хутора въ Гильсбакки съ 30-тью мужами и прибылъ въ Мосфель рано утромъ. Энюндъ и сыновья его укрылись въ церковь, а Иллуги захватилъ двоихъ изъ его родственниковъ, одинъ звался Бьёрнъ, а другой Торгримъ; онъ велѣлъ убить Бьёрна, а Торгриму обрубить ноги. Поѣхалъ Иллуги домой послѣ этого, и не потребовалъ за то Энюндъ никакого возмездія. Эрмюндъ, сынъ Иллуги, не имѣлъ покоя послѣ смерти Гюнлейга, брата своего, и казалось ему, что тотъ вовсе не отмщенъ, хотя это и было сдѣлано. Звали одного мужа Шрапномъ, и былъ онъ племянникъ Энюнда изъ Мосфеля; онъ много плавалъ по торговымъ дѣламъ и владѣлъ кораблемъ, который стоялъ на берегу въ Рутафіордѣ [1]). И весной поѣхалъ Эрмюндъ, сынъ Иллуги, изъ дому одинъ и на Сѣверъ по равнинѣ Ольтавёрдской и такъ до Рутафіорда и вдоль бухты въ Бордэйръ [2]) къ кораблямъ купцовъ; купцы были тогда совсѣмъ готовы въ путь. Шрапнъ кормчій былъ на берегу и много мужей возлѣ него; Эрмюндъ подъѣхалъ къ нему и пронзилъ его копьемъ и тотчасъ-же поѣхалъ прочь, а всѣ спутники Шрапна оцѣпенѣли отъ страха передъ Эрмюндомъ. Никакого выкупа не было и за это убійство. И тѣмъ и кончилась распря Иллуги Чернаго и Энюнда изъ Мосфелля.

Торстейнъ, сынъ Эгиля, выдалъ Эльгу, дочь свою, когда прошло нѣсколько времени, за того мужа, который звался Торкелемъ и былъ сыномъ Альвеля; онъ жилъ дальше къ морю (по Боргскому фіорду) въ долинѣ Рейнъ; и поѣхала Эльга къ нему на житьё и не было у нея большой склонности къ мужу, потому что она никогда не переставала думать о Гюнлейгѣ, хотя его уже не было въ живыхъ; а между тѣмъ Торкель былъ изъ себя такой бодрый мужъ и богатый имуществомъ и хорошій скальдъ. Они имѣли дѣтей не мало; Ѳуаринъ и Торстейнъ звались ихъ сыновья, и еще нѣсколькихъ дѣтей имѣли

[1]) Фіордъ на Сѣверномъ берегу Исландіи.

[2]) Гавань на Рутафіордѣ.

они Это было лучшимъ удовольствіемъ для Эльги—развернуть плащъ, подарокъ Гюнлёйга, и по долгу пристально глядѣть на него. И однажды появилась тяжелая болѣзнь на хуторѣ Торкеля и Эльги, и мучались многіе долго. Эльга тоже занемогла тогда и однако-же не слегла. И въ одинъ субботній вечеръ сидѣла Эльга въ горницѣ, гдѣ очагъ, и склонила голову на колѣни Торкелю, мужу своему, и просила послать за плащемъ, подаркомъ Гюнлёйга, и когда плащъ принесли къ ней, тогда выпрямилась она и развернула плащъ передъ собой и глядѣла на него пристально нѣкоторое время; и потомъ склонилась на задъ на руки мужу своему и была тутъ мертва. Торкель произнесъ тогда такой стихъ:

Я положилъ мою дорогую Эльгу
Стройную, какъ трость, съ кольцами на рукахъ,
Бездыханной себѣ въ объятія.
Богъ взялъ жизнь у богини льна ..
(Тяжелъ былъ ея жребій) [1]),
Но гораздо тяжеле воину,
Добывающему золото,
Пережить ее.

Эльга была предана погребенію при церкви, а Торкель остался жить тамъ, и произвела на всѣхъ большое впечатлѣніе смерть Эльги, какъ и можно было ожидать. И тутъ конецъ теперь сагѣ.

---

[1]) Въ рукописяхъ здѣсь пробѣлъ, восполняемы по смыслу.

Историческая оцѣнка Саги.

Сага о Гюнлёйгѣ записана, по преданію, болѣе ста лѣтъ спустя послѣ его смерти [1]), а потому наиболѣе надежной древностью отличаются въ ней стихи. Конечно, устная сага возникла задолго до записи, а запись въ основномъ слѣдовала уст-

[1]) Могкъ относитъ смерть Гюнлёйга къ 1009 году и отвергаетъ всякое историческое значеніе за помѣткой въ Стокгольмскомъ кодексѣ, называющей Ари авторомъ саги (*Eugen Mogk*, Geschichte der Norwegisch-Isländischen Literatur. 2 Aufl. Strassburg, 1904).

Мы принимаемъ, вмѣстѣ съ Виммеромъ и Вигфюссономъ, для смерти Гюнлёйга 1008 годъ. Разница въ вычисленіи заключается, вѣроятно, въ томъ, что Виммеръ отплытіе Шрапна и Гюнлёйга для поединка въ Норвегію относитъ еще къ тому-же лѣту 1006 года, когда былъ и первый поединокъ на Исландіи, а Могкъ можетъ быть къ слѣдующему лѣту 1007 года. N. Petersen въ Bidrag til den Oldnordiske Literaturs Historie говоритъ приблизительно о 990—1010 г.г. Для ясности даемъ подробную хронологію. Гюнлёйгъ родился въ 983 году, и 15-ти зимъ отъ роду въ 988 году ссорится съ отцемъ. Чѣрезъ три зимы, весной 1001 года онъ плыветъ въ Норвегію, зиму 1001—1002 проводитъ у Этельреда, весну и лѣто 1002 въ Ирландіи, за тѣмъ на Оркнейскихъ островахъ, осень и зиму 1002—1003 въ Ёталандѣ и весной 1003 года появляется въ Упсалѣ, а Шрапнъ весной 1003 отправляется на Исландію, лѣтомъ 1004 года впервые сватается за Эльгу и на тингѣ лѣтомъ 1005 доводитъ сватовство до счастливаго конца, такъ что осенью—свадьба. Гюнлёйгъ лѣтомъ 1003 года возвращается къ Этельреду, весной 1004 года хочетъ отъ него уѣхать, но задержанъ конунгомъ до лѣта 1005 года, когда плыветъ въ Норвегію, а оттуда на Исландію. Поздней осенью 1005 года, во время свадьбы Шрапна, Гюнлёйгъ уже дома въ Гильсбаккѣ. Зимой—1005—6 г. встрѣча Гюнлёйга съ Эльгой, лѣтомъ 1006 на тингѣ его первый поединокъ со Шрапномъ. Въ концѣ лѣта 1006 года Шрапнъ и Гюнлёйгъ плывутъ въ Норвегію. Зиму 1006—7, весну и лѣто 1007 года и зиму 1007—8 года Шрапнъ поджидаетъ Гюнлёйга на Троньемскомъ фiордѣ въ Левангерѣ. Гюнлёйгъ поздно лѣтомъ 1006 г. плыветъ съ Исландіи на Оркнейскіе острова, гдѣ съ осени остается до лѣта 1007 г., когда отправляется на Троньемскій фiордъ въ Лады. Пробывъ зиму 1007—8 года въ Ладахъ у ярля Эйрика, Гюнлёйгъ весной 1008 г. отыскиваетъ Шрапна; теперь во время второго поединка оба они гибнутъ. Вся эта запутанная хронологія выдержана въ сагѣ вполнѣ точно. Однако отъѣздъ Шрапна и Гюнлёйга для второго поединка въ Норвегію можно съ извѣстной точки зрѣнія отодвинуть и на лѣто 1007 года; тогда получимъ годъ Могка—1009 для смерти скальдовъ.

ному разсказу и стихамъ; слѣды зависимости дошедшей до насъ писанной редакціи отъ устной сохранились въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ: «про Гюнлейга сказано такъ» и т. п. Однако, несомнѣнно, что устная сага подвергалась при записи интерполяціямъ, напримѣръ изъ «Книги объ Исландцахъ» (Islendingabók) Ари Мудраго [1]). Въ общемъ, благодаря зависимости записи отъ разсказа, подлиннымъ стихамъ скальдовъ Гюнлейга и Шрапна, исправленію устной традиціи по историческимъ сочиненіямъ перваго исландскаго историка Ари, сага о Гюнлейгѣ, дѣлая промахи въ частностяхъ хронологіи по внѣ-исландской исторіи, сохранила живое и подлинное изображеніе народнаго быта на Исландіи въ эпоху перехода отъ язычества къ христіанству, т. е. около 1000-наго года. Въ этомъ смыслѣ она является цѣннымъ источникомъ при изученіи древнегерманской жизни начала Среднихъ вѣковъ, какъ она отрывочно намѣчена въ извѣстіяхъ Тацита, Варварскихъ правдахъ на латинскомъ языкѣ и въ особенности въ англо-саксонскомъ и норвежскомъ правѣ на языкахъ народныхъ.

Живая картина вѣча-тинга, передача закона въ устной традиціи и его формулировка законотолкователемъ на тингѣ, дружинныя отношенія, поединки то изъ за денегъ, то изъ за невѣсты и ихъ окончательная отмѣна на тингѣ законодательномъ, уплата выкупа и кровная месть, бросаніе новорожденныхъ дѣтей на произволъ судьбы, языческое обращеніе къ богу Тору передъ единоборствомъ, вѣра во всемогущество судьбы и сны, все это—художественные рисунки къ сухимъ извѣстіямъ анналъ и законовъ. Но исторически значительнѣе всего самый типъ викинга: это и купецъ, и скальдъ, и воинъ въ то же время. Правда, идеалы эпохи викинговъ, новаго желѣзнаго вѣка VIII, IX—X столѣтій, уже отходятъ въ прошлое, и спеціальныя прозвища «викинга» и «берсеркра» сопоставляются въ писанной сагѣ съ понятіями разбойника и чародѣя. Населеніе становится въ Скан-

[1]) *Vigfusson* въ очеркѣ исландской литературы въ Prolegomena къ своему изданію Sturlunga—Saga. vol. I. p. p. XXXI. XXXIII.

динавіи осѣдлымъ, но самый типъ жизни странствующаго викинга сохраняется, какъ переживаніе, для юныхъ исландцевъ и наполняетъ собой ихъ молодость. Гюнлёйгъ плыветъ въ Норвегію, Англію, Ирландію, посѣщаетъ Троньемъ, Лондонъ, Дублинъ, Оркнейскіе острова. путешествуетъ по Южной и Сѣверной Швеціи, въ Вестъ-Ётландѣ и окрестностяхъ Упсалы.

Не смотря на оффиціальное принятіе христіанства на Исландіи, сага вспоминаетъ о немъ только тогда, когда ей приходится хоронить своихъ героевъ. Всѣ взгляды на жизнь унаслѣдованы еще отъ язычества. Лучшимъ толкованіемъ къ характерамъ, чувствамъ, волѣ и поступкамъ нашихъ скальдовъ можетъ все еще служить «Гаувамауль» (Hávamál) или «Слово Одина» въ норвежско-исландскомъ эпосѣ IX—X вв., по ошибкѣ именуемомъ Поэтической Эддой. Вотъ наиболѣе подходящія къ Гюнлёйгу и Шрапну «заповѣди блаженства» умирающаго язычества, вложенныя въ уста «Всевышняго» [1]) Одина:

Въ каждыхъ дверяхъ,
Прежде чѣмъ въ домъ войти,
Тайно, въ просвѣтъ, не забудь
Зорко жилье оглянуть:
Ибо, какъ знать, сидитъ
Часто, того и гляди,
Врагъ на скамьѣ впереди.

——

Гость осторожный,
Сѣвши за столъ, молчитъ;
Голосъ его на пиру не звучитъ.
Чуткое ухо лишь внемлетъ,
Зоркое око—не дремлетъ:
Мудрый себя самого сторожитъ!

——

Прочь отъ копья и меча,
Воинъ, на дальнемъ пути
Бойся на шагъ отойти!

---

[1]) Впрочемъ, можетъ быть «одноглазаго?» (по Деттеру)

Ибо, какъ знать, иногда
Нужно копье поневолѣ
Мужу въ открытомъ полѣ.

Лучше всего — свой очагъ:
Тѣсно, но ты одинъ
Въ домѣ своемъ властелинъ.
Крышу сложи изъ каната, лозы,
Въ полѣ—всего двѣ козы,
А лучше, чѣмъ жить подаяньемъ!

Мужъ безразсудный
Жить надѣется вѣчно:
Въ бой не идетъ безпечно.
Старость покоя не дастъ.
Покой копье даетъ;
Въ битвѣ, когда убьетъ.

Мретъ скотъ,
Умираютъ друзья,
Умрешь самъ—это участь твоя;
Но молва не умретъ,
Чтобъ вѣчно жилъ,
Кто добрую славу добылъ.

Мретъ скотъ,
Умираютъ друзья,
Умрешь самъ—это участь твоя;
Но знаю, хранитъ
Надъ мертвымъ изъ рода въ родъ
Свой судъ и молву народъ.

Это «Deyr fé, deyja fraendr» etc. — лучшая надгробная надпись и для скальда Гюнлёйга Ормстюнги.

Зависимость записей сагъ и вообще исландско-норвежской исторіографіи отъ стиховъ скальдовъ, родословныхъ и устнаго преданія ясно высказана по отношенію къ историческимъ сагамъ о норвежскихъ конунгахъ въ предисловіи самаго выдаю-

щагося изъ исландскихъ историковъ, Снорри Стюрлюсона (1178 —1241) къ его «Кругу земли» (Геймскрингла) или «Книгѣ конунговъ». [1]) Этотъ Прологъ говоритъ: «Въ этой книгѣ я велѣлъ записать древнія сказанія о тѣхъ князьяхъ которые владѣли государствами въ странахъ Сѣвера и говорили на данскомъ языкѣ, такъ, какъ я слышалъ ихъ изъ устъ мудрыхъ людей, а равно и нѣкоторыя родословныя ихъ, такъ, какъ онѣ мнѣ были переданы; отчасти то, что находится въ перечнѣ предковъ, гдѣ конунги или другіе родовитые люди прослѣдили свои роды, а часть записана по древнимъ стихамъ или былинамъ, которые служили людямъ для удовольствія; и хотя мы не можемъ знать, истина-ли они, всетаки знаемъ мы примѣры тому, что старые мудрые люди считали имъ подобные за истину... Когда Гаральдъ Прекрасноволосый былъ конунгомъ въ Норвегіи, тогда заселилась Исландія. У Гаральда были скальды, и люди знаютъ еще ихъ стихи и стихи о всѣхъ конунгахъ, тѣхъ, которые позднѣе были въ Норвегіи, и мы беремъ тамъ всего болѣе событій изъ того, что сказано въ тѣхъ стихахъ, которые были произносимы передъ самими князьями или ихъ сынами; мы приняли все это за правду, что находится въ этихъ стихахъ о ихъ походахъ или битвахъ; но таковъ обычай скальдовъ хвалить всего болѣе того, передъ кѣмъ они тогда находятся, но никто не отважился-бы на это, разсказывать ему самому такія дѣла его, о которыхъ всѣ знали-бы, кто слушалъ, что они пустякъ и ложь, равно и онъ самъ; это было-бы тогда издѣвательствомъ, а не хвалой... Священникъ Ари Мудрый первый изъ людей здѣсь въ странѣ писалъ на сѣверномъ языкѣ преданія какъ древнія, такъ и новыя... Это не было удивительно, что Ари былъ хорошо освѣдомленъ о древнихъ событіяхъ какъ здѣсь, такъ и внѣ страны, такъ какъ онъ заимствовалъ у старыхъ мужей и мудрыхъ, а самъ былъ любознателенъ и съ хорошей памятью; между тѣмъ стихи, кажется мнѣ, позднѣе всего будутъ сдвинуты съ мѣста, если они правильно сложены и разумно записаны».

---

[1]) Heimskringla eller Norges Kongesagaer af Snorre Sturlasson, udgivne ved Unger. Christiania, 1868. p.p. 1—3.

3 2044 004 436 515

